ГИБ
В 116

В БОЯХ ЗА ОКТЯБРЬ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОКТЯБРЕ ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

Издание Октябрьской Комиссии Володарского района
ЛЕНИНГРАД
1932

Г.И6
В 116

В БОЯХ ЗА ОКТЯБРЬ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОКТЯБРЕ ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

АВТОРЫ:

М. Бабохов
А. Басов
И. Волгин
И. Дубровский
А. Егоров
С. Котов
П. Куделли
Г. Николаева
А. Николаев
А. Соколов
М. Терентьева
Г. Некрасов

Составил сборник Ив. Торопов.

1 ЭКЗ

Издание Октябрьской комиссии Володарского района
ЛЕНИНГРАД
1932.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

П 1971

ГИ6
В116 Р

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА

69534

69534 У

985
33

1093

1-я типография изд-ва Леноблисполкома и Совета. 2-я Советская, 7.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В этом сборнике даны кусочки великой Октябрьской Революции, отдельные ее эпизоды. Рассказывают о них сами участники событий,рабочие—кадровики наших предприятий.

Материал сборника—их личные впечатления и наблюдения.

Разумеется, сборник страдает многими недостатками. В него, например, не вышли такие славные страницы революционного прошлого володарцев, как знаменитая забастовка металлистов Пролетарского завода. Недостаточно отражена борьба Красной гвардии и самый переворот.

Объясняется это тем, что объем сборника не велик и время, потраченное на него, было крайне ограниченным.

Что-же предлагается вниманию читателя?

Сборник открывается статьей т. Куделли о прошлом Невской Заставы. На эту тему многое написано (воспоминания т. Крупской, сборник к 30-летию Обуховской Обороны и т. д.), но тема эта далеко не исчерпана. Тов. Куделли, продолжительное время работавшая в известной Корниловской школе, делится интересными воспоминаниями о давно-прошедших временах. Ее очерк охватывает длинный отрезок времени, примерно, 10—15 лет. Рабочему читателю, особенно новому рабочему, очерк т. Куделли может многое дать.

Прошлому посвящен и очерк „Сквозь тюрьмы“ рисующий кусок автобиографии рабочего Пролетарскогозавода т. Тимпера.

Февральские дни и нарастание Октябрьских событий отражены в очерках: „Бунт безработных“,

„Владимир Ильич у обуховцев“, „О боевых днях“ и „От февраля к октябрю“.

О самом перевороте и деятельности Красной гвардии рассказывает т. Егоров—сам бывший красногвардеец и участник захвата Зимнего Дворца.

Октябрьские события на предприятии сравнительно полно представлены в очерках о „Володарке“. Здесь показана работа первых фабричных организаций (фабком, фабуправление и национализация предприятия.

Большой интерес представляет „Рассказ коммиссара финансов“. Написан он со слов т. Котова, действительно бывшего комиссаром финансов в Совете после переворота 25-го октября.

Повторяем, перечисленные материалы книги не претендуют на полное изложение Октябрьских событий за Невской заставой, а являются лишь далеко не полными эпизодами этой борьбы.

Во всех очерках красной нитью проходит борьба большевистской партии со всякого рода реформистами, служившими верой и правдой буржуазному Временному правительству. Именно в жестокой борьбе с меньшевистско-эсеровским влиянием ковалась и росла большевизация заводов, завершившаяся победоносным Октябрьским переворотом.

Помимо воспоминаний в сборник включены два полу-беллетристических очерка. Один из них („Рассказ о прошлом“) характеризует подлинные события, имевшие место на фабрике Паля, теперь Ногина в период с 1913 по 17 год; другой („Солдатка революции“)—показывает кусок борьбы рабочих-семянниковцев с царским самодержавием.

Задача сборника—воскресить в памяти события, имевшие место 15 лет тому назад, простыми словами рассказать молодому поколению о героическом прошлом рабочего класса и его авангарда—большевистской партии.

Из прошлого Невской заставы.

Невская застава представляла собой в 90-годы довольно грязную длинную улицу, по которой ходил паровичок. Работала я тогда учительницей в Корниловской школе. Чтобы доехать до школы, с паровичка нужно было пересесть на конку.

Школа помещалась в доме № 65 по Смоленскому проспекту.

Помещение ее имело отчаянный запах лестниц, по которым когда нужно было проходить, приходилось затыкать себе нос. Невыносимый запах был.

Но в этой школе, несмотря на всю ее весьма незатейливую обстановку, было что-то необычайно притягательное. Притягательным был именно тот огромный интерес, та замечательная тяга к науке, которая была у рабочих—учеников этой школы.

Правда, она (тяга к науке) проявлялась порой довольно наивно. Задавались иногда самые обыкновенные вопросы, но рабочий того времени многого не понимал. Очень скоро в школе он принимал другой образ, совершенно другое лицо. Другие установки у него появлялись.

А время 90-ые годы—было в высшей степени интересное время. На смену уже умирающей народнической идеологии, появилась идеология марксистская. Народники и марксисты вступали в идеологические бои друг с другом и в борьбе побеждали марксисты. Всех нас, и мужчин, и женщин,—когда мы проникались марксистским мировоззрением, которое нам говорило, что двигателем истории является рабочий класс,—всех нас потянуло к рабочим. Поэтому мы и

решили поступить преподавателями в эти школы, которые нам, конечно, никаких благ не давали, но давали огромнейшее удовлетворение видеть, как из темного, забитого человека создавался социал-демократ борец.

Рабочие распадались на текстилей и металлистов. Текстили — полукрестьянского типа. Они приходили в школу, вооруженные всевозможными религиозными верованиями. Потом, постепенно, они веру теряли в школе и задавали вопросы:

— „Ну, как же ты говоришь, что, может быть, бога и нет (нам приходилось говорить осторожно, что бога, может быть, и нет), а откуда на свете и то, и другое, и третье“?

Потом они проникались другими взглядами и становились безбожниками.

Особенный сдвиг в школе производил некто т. Фунтиков (его наверно уже никто не помнит). Это был убежденный безбожник. Он и свою жену уговаривал, чтобы она бросила религиозные верования, но из этого ровно ничего не выходило. Напористый, энергичный,—он не плохо вел работу среди рабочих.

Этот Фунтиков привлек к работе известного т. Бабушкина, именем которого называется ваш Домпросвет. Оба они были марксистами. Затем еще Илья Костин—и собралась группа.

Все они занимались в моей группе—(я преподавала русский язык).

И в русский язык мы старались вложить все революционное, что только было возможно. Каким же это путем? Ведь там нужно было говорить о подлежащем, сказуемом и т. д.?

Но мы немного времени уделяли грамматике. Мы разбирали разные литературные произведения, например, стихотворение „Василий Шибанов“ А. Толстого („Князь Курбский от царского гнева бежал“..). Это стихотворение читали в группе. Задавались, конечно, вопросы.

— Ну, что, как вы оцениваете поступок Василия Шибанова, который себя погубил из-за того только, чтобы доставить удовольствие князю Курбскому?

Пишут сочинение на эту тему. Один рабочий подает свое сочинение, я его читаю вслух в группе, а там было написано следующее:

— „Что касается Васьки Шибанова, так это его самопожертвование ни ему, ни народу никакой пользы не принесло".

Когда ученик таким образом отозвался, то уже на этого ученика нужно было обратить внимание. Тут на подмогу появлялся Бабушкин, рабочий Семянниковского завода. Он брал его в свой переплет, в подпольный кружок.

Таким путем Корниловская школа давала возможность выявлять рабочих, поддающихся развитию, которые начинали уже мыслить более или мене революционно, подбирать их в кружки подпольные.

В этих подпольных кружках 90-ых годов занимался Владимир Ильич Ленин, занимались его соратники— Герман Красин, Кржижановский.

И так — все больше и больше росли группы, которые и положили основу и начало нашей социал-демократической организации— „Союзу борьбы за освобождение рабочего класса". (Так-же возникли главные кадры для „Союза борьбы" в других районах).

Расскажу один курьезный случай. Когда Бабушкин приходил в мою группу, высматривал наиболее сознательных учеников и забирал их в подпольную группу, я ведь не имела понятия, что из себя представлял Бабушкин. Была конспирация, он мне не говорил, что он социал-демократ. Я лично решила, что надо с Бабушкиным поближе познакомиться, из него, думаю, выйдет очень хороший социал-демократ.

Такими были еще Никита Меркулов и Илья Костин. Я им говорю.

— Приходите ко мне на квартиру, мы поговорим, я укажу, какие книги читать и т. д.

И вот Никита Меркулов, который ходил всегда чумазый (он был чернорабочим), приходит ко мне. Нашел он где-то себе пару (рукава длинные) и являются они вместе всей тройкой. Все они были социал-демократы, но ничего мне не говорили. Я разоряюсь, стараюсь вести пропаганду, рассказываю им о том, и о другом—в полной уверенности, что это способные товарищи, с которыми можно и нужно иметь дело.

И что же я узнаю?

Уже после трагической гибели тов. Бабушкина я прочла его воспоминания, где описывается работа Корниловской школы. Он говорит:

— „Одна учительница, видимо, совершенно не подозревая кто я и т. д., начала меня пропагандировать".

Фамилию мою он знал, но не назвал ее из за конспиративных соображений. Потом уже кто-то сделал примечание, что эта была такая-то.

Подобные случаи в то время были не редки.

Бабушкин вел весьма активную работу на Семянниковском заводе, способствовал развитию центральной группы социал-демократов, был тесно связан с В. И. Лениным, являлся его любимым учеником и даже другом.

В дальнейшем (по директиве нашего большевистского центра) он ездил работать в Екатеринослав и в многие другие города и погиб, приблизительно, в 1906 г. от руки карательной экспедиции Ранненкампфа.

Наступает революция 1905 года. Вскрылась революционность даже отсталых текстилей. Помню—в 1906 году один из текстилей, по имени Егор, прибегает ко мне обрадованный (я стояла во главе фабричного подрайона за Невской заставой, куда входили фабрики Паля, Максвелля, а он был членом подрайонного комитета) и говорит:

— Анна Ивановна, (эта была моя подпольная кличка)—здорово мы насолили Николашке!

— Что-же вы сделали?

— Мы казенку разбили!

И он был уверен, что этим самым поступком они действительно насолили Николаю 2-му.

Такие типы рабочих, главным образом, из текстилей, попадались за Невской заставой довольно часто.

В 1905 году рабочая молодежь стала быстро развиваться. Одно время за Невской заставой сильно наседала черная сотня. Рабочие даже не имели возможности спокойно проходить по улицам, т. к. нередко преследовались черной сотней. Но потом, к концу 1906 года, рабочие объявили черносотенцам борьбу.

Я помню такую картину. Проходит небольшая массовка. Я руковожу этой массовкой. Вдруг вижу—два молодых рабочих тащут какого-то пожилого рабочего. Тот упирается, но все-же его „притаскивают" на место массовки. Это были наши ребята. Они приказывают приведенному с собой рабочему:

— Ну, становись на колени перед оратором, кайся проси прощения, что-ты был черносотенцем!

Тот—перепуганный — становится на колени. Мне весьма неловко, что человек стоит на коленях.

— Так как он черносотенец, мы у него возьмем значок, говорят ребята, и снимают значок Георгия Победоносца. Значок дают мне:

— „Вот, возьмите". Я беру значок. Ребята продолжают:

— Давай денег на революцию, сейчас же давай денег!

Тот говорит:—„Пожалуйста не губите только (это был еще серый такой, деревенский человек)—не губите, я поеду в деревню и никогда сюда не вернусь". Он дает 2 золотых на „революцию".

Это, повторяю, был тот момент, когда сознательные рабочие начали наседать на черную сотню.

Невская застава в то время (в 1905—6 гг.) представляла из себя сплошную арену борьбы между большевиками и меньшевиками. Была борьба во всем. Если большевики что-нибудь предлагали, то меньше-

вики сейчас же предлагали другое. Слишком большая разница была между тактическими установками тех и других. Если большевики говорили, что мы не должны поддерживать кадетское министерство, меньшевики непременно требовали поддержки кадетского министерства.

Здесь—за Невской заставой—тактика большевиков одерживала верх.

Самым сознательным и руководящим заводом Невской заставы был Семянниковский завод, теперь завод им. Ленина. Была тут небольшая синильная фабрика. Когда пришлось на ней проводить забастовку (а как не бастовать после Свеаборгского восстания?), то на вопрос — будете бастовать, разговор получился такой:

— „Как семянниковцы поступят, так и мы".

Разделялись заводы так: были заводы, где преобладали эсеры (это на Обуховском заводе); на Семянниковском было половина на половину — меньшевиков и большевиков. На Семянниковском заводе руководящую роль играл некто рабочий—большевик т. Цацирин.

В 5-м году, как я уже сказала, возник перелом в настроении рабочих. Текстили тоже начали быстро революционизироваться. Выдающимися текстильщиками были т.т. Тюшин, Степан Рубцов и др.

Металлиста и текстиля можно было узнать даже по внешнему виду.

Но металлисты вообще были большие щеголи. Они надевали белые воротнички и т. д.

Текстили наоборот — от них веяло крестьянством. Одевались они по-крестьянски (и только через некоторое время, меняли внешний вид).

Дальше—годы реакции. В годы реакции в Корниловской школе (это, следовательно в 907, 908, 909 гг.) занятия проходили уже в кружках. Под видом преподавания арифметики—преподавался марксизм. Под видом преподавания русского языка—преподавалась история революционного движения.

Очень большое влияние на развитие рабочих оказывала русская литература, потому-что проходили мы не „чистую" литературу, а под видом литературы изучали историю революционного движения.

Например, Чернышевского мы связывали с народничеством. Дальше брали Вересаева, Горького, чтобы выявились проблески другого сознания. Так что Корниловская школа имела огромнейшее значение в развитии рабочих.

Затем дальше. В годы подъема революцонного движения школа уже ярко размежевалась по группировкам. Среди ее преподавателей были народники, эсеры, социал-демократы большевики, и социал-демократы меньшевики. т. е. были представители разных революционных направлений. Естественно, шла борьба за влияние на рабочего.

На социал-демократов большевиков было объявлено гонение. И вот почему. Так как заведующая школой была склонна к народникам, то она старалась преследовать преподавателей большевиков. Мне лично приходилось эти преследования переносить. На моих занятиях стали появлятся соглядатаи, присланные заведующей школой. И даже был поставлен вопрос о том, чтобы ничего нелегального в школу не приносить и никакими нелегальными вопросами в школе не заниматься.

Дело дошло до того, что мне пришлось, примерно в 1913 году Корниловскую школу оставить совершенно. Но появились новые большевики и большевистское влияние в школе становилось все сильней и сильней.

Приведу пример как некоторые неопытные педагоги проводили революционные взгляды. Этот пример, записан агентом охранного отделения.

Одна учительница диктует такую фразу:

— „Великая французская революция была в 1789 г", и после этого ставит вопрос:

— „А когда-же будет русская революция"?

Она обратила на себя внимание соглядатаев (а там были соглядатаи от охранки). Этот кружок, был „записан“ и передан в охранное отделение.

Министерство народного просвещения запретило учительнице преподавание в школе.

На разборе этого промежутка времени мы можем проследить как развивался рабочий класс. От Егора, который радовался, что он участвовал в разгроме казенки, до т.т. Бабушкина, Цицарина — таким путем на протяжении многих лет большевистской социал-демократической работы, — рабочие проникались все больше и больше революционным мировоззрением.

В октябре 1917 г., руководимые большевиками, рабочие пришли к победе и стали авангардом международного пролетариата. Это не фраза, а истина, это признается всем революционным международным пролетариатом. И мне остается только сказать:

Да здравствует ленинградский пролетариат!

Да здравствует Невская застава, которая всегда была украшением нашей большевистской социал-демократической организации!

П. Куделли.

Сквозь тюрьмы.

„Дело № 46“ *)

„....Меня ввели в большой кабинет. Я увидел массивный письменный стол и сидевшего за ним толстого жандармского полковника. Лицо у полковника дряблое, похожее на тесто. На лице еле виднелись узенькие прорези глаз. Его холеные пальцы перелистывали толстую папку—„Дело № 46“.

—Ну рассказывай? Или язык дома оставил?

Полковник говорил хриплым голосом, не глядя на меня. Я молчал.

Тогда он хлопнул ладонью по столу и зло сказал:

—Забастовку устраивать? Бунтовать? Как фамилия?

Я ответил:

—Там написано...

В комнате стояли сопровождавшие меня конвойные солдаты. Они застыли у дверей, вытянувшись во „фронт“.

Полковник нажал кнопку и приказал вошедшему офицеру увести солдат. Затем он подошел к шкафу и извлек оттуда толстую, похожую на альбом, папку.

Допрос продолжался.

—В организации налета на редакцию участвовал? Или забыл—давно ведь это было? А этих узнаешь?—и он ткнул пальцем в снимок из папки альбома.

Полковник воскрешал в моей памяти кусочки событий первой русской революции, и это меня злило. Я решил не отвечать на вопросы.

---

*) Очерк написан со слов самого т. Тимпера, работающего сейчас на Пролетарском паровозном заводе.

Но вот он всей пятерней надавил на звонок и вызвал офицера, что удалил солдат.

— Читайте, — приказал он вошешему и подал папку с надписью—„Дело № 46“.

Офицер, останавливаясь на знаках препинания, читал:

„По агентурным сведениям Д. Тимпер — рабочий Александровского механического завода—в 1905 году участвовал в заговоре на разгром редакции газеты „Русская мысль“, каковому с рабочими того-же завода Андреевым и Телятниковым выпал жребий получить бомбу и бросить ее по назначению. Но благодаря точному доносу все трое были задержаны патрулем. При обыске один из них бросился бежать, но был убит залпом трех ружейных выстрелов. При убитом оказался револьвер системы „Смит и Вессон“. После допроса первые два рабочих были отпущены, но с предупреждением в местную полицию — взять под негласное наблюдение. После этого за Тимпером не замечалось ничего, вплоть до 1916 года. В этом году, будучи старшим, Тимпер уговорил всю свою группу отказаться от работы и не работать ни одного часа бесплатно и сверхурочно.

С этого момента опять начинается подготовка к выступлению“...

— Довольно! Взять его! — Полковник грузно откинулся к спинке кресла, а я в сопровождении офицера вышел к ожидавшим меня канвойным.

И опять длинным тюремным коридором повели меня на прежнее место — в камеру. Я сидел в одиночке. Ко мне никого не допускали—время тянулось бесконечно медленно. Только солнечный луч на несколько минут пробивался в окно, освещая пыльную стену.

Спустя несколько дней я был выпущен на поруки..

Было это так. Как-то ранним утром прогремел засов, на пороге показался надзиратель. Я думал, что меня повезут на суд и поэтому неохотно вышел

из камеры. Случайно я уловил реплику караульного начальника, брошенную солдатам:

— Выведите за ворота...

Все похолодело во мне — я еле переступал ногами. И уже за воротами, оставшись один, я все еще не верил, что свободен.

Помню — в лицо бил свежий ветер, бросался пушинками снега.

Сразу же захотелось бежать из города, но вспомнил, что в кармане нет ни копейки денег.

Почти бегом, озираясь по сторонам, понесся домой. У себя в комнате я увидел жену и незнакомого мне молодого человека. Знакомя с ним, жена сказала, что это — „свой". Молодой человек слегка улыбнулся, показывая ряд золотых зубов. Жена сообщила, что это „он" согласился взять меня на поруки.

— Как на поруки? — воскликнул я. — А платить чем будем?

Молодой человек еще раз улыбнулся, взял шляпу напомнив, что нужно занести ему „остаток", и удалился*)...

Снова потекли безрадостные дни, полные тревоги и волнений. Следили за каждым шагом.

Но вот в феврале загрохотали выстрелы. Завод встал. Я хотел поехать в город к товарищам по 905-му году, но у ворот стояли казаки. Забастовка кончалась и завод вновь заработал. Я уже стал забывать „Дело № 46", как в сентябре, накануне Октябрьских событий, меня пригласили в суд. Не опасаясь ничего, я пошел в здание суда. В зале, куда вошел, увидел стол, накрытый сукном и часовых. Раздалось хрип-

*) Жена Тимпера уговорила одного „благонадежного" для полиции человека взять мужа на поруки. За эту „услугу" молодому человеку с золотой челюстью было выплачено 200 рублей. Как сообщил т. Тимпер, в этих целях его жена продала его и свое пальто и часть денег заняла, чтобы полностью внести взятку.

лое:—Встать! Председатель с тонкой и длинной шеей объявил:

—Так как „Дело № 46“ уже разбиралось, нам остается только вынести приговор. Суд постановил: обвиняемого подвергнуть тюремному заключению сроком на 8 месяцев, с последующей высылкой.

Но не прошло и трех недель, как „Аврора“ мощным залпом возвестила об Октябре. Вместе с тысячами других товарищей я был выпущен на свободу...“

Рабкор А. Д. Басов.

Бунт безработных на Обуховском заводе.

После февральской революции Обуховский завод был временно закрыт, а все рабочие рассчитаны. Так и в удостоверениях наших было сказано: — „увольняются такие-то вследствие временного закрытия завода".

После общего расчета на заводе частично работали Электростанция, водопровод и в полном составе завком, возглавляемый эсером Борзовым. Управление завода возглавлял эсер Еремеев.

Таким образом, рабочие—кроме безработицы—после февральской революции ничего не получили. Ходить с красной петличкой, но не иметь куска хлеба,—занятие не из приятных.

Началось тогда ежедневное хождение безработных к заводу. Придут к воротам, прочтут циркуляр директората с обещанием „в скором времени принять на работу" и снова бесконечной лентой тянутся к дому.

Потомственное и „почетное" купечество—Бушковы и Трусновы—перестали отпускать продукты в кредит. Приходилось голодать.

Положение наше с каждым днем становилось все хуже и хуже. Устраивались собрания, выносились резолюции с требованием „принять безработных на завод", но безуспешно.

И только вначале апреля дирекцией был объявлен набор. Но было принято только около 2.000 чел. из 14.000,

Но вот безработные решили действовать. На одном из собраний была принята резолюция.—„Не допускать работающих в завод и вместе с ними требовать принятия на работу всех безработных".

Помню — в понедельник, утром, еще до первого гудка, около завода собралось человек 500. Они пробовали не пускать рабочих в завод, но безуспешно.

Прогудел последний гудок. Захлопнулись тяжелые заводские ворота. Но безработные не расходились. Не разошлись даже тогда, когда появился „угрожающий" приказ директората и завкома, где предлагалось „не производить подобных беспорядков, которые только что имели место". „В противном случае,—говорилось в приказе,—дирекция примет меры для восстановления революционного порядка".

Эта бумажка повысила озлобление и без того возмущенных безработных. Начался сильный шум. В толпе уже слышались нелестные реплики по адресу Временного правительства и меньшевистско-эсеровских правителей завода.

Часовая стрелка приблизилась к 9 утра. К заводу сходились все новые и новые толпы безработных. Они шумели, возмущались и, в конце концов, устроили громадный митинг, на котором было решено силой ворваться в завод.

Громадная толпа хлынула от церковных колонн (быв. Петропавловской церкви, теперь уже снесенной) и покатилась к проходной конторе. Наружная охрана немедленно-же была сметена. В проходной началась настоящая свалка, послышались выстрелы, звон битых стекол, крики:

— Ворота открывай, ворота! —

Картина была жуткая. Я в это время успел влезть на забор около проходной конторы и стал призывать остановить насилие.

— „Разгромом, — говорю, — мы делу не поможем" и предложил избрать делегацию в управление завода для предъявления требований безработных.

Шум продолжался порядочное время, а потом он постепенно утих, после чего была выбрана семерка, в том числе я, анархист Михайловский, его жена и другие. (Жена Михайловского пользовалась автори-

тетом у населения. Она часто выступала на собраниях, работала в школьных комитетах и т. д.).

Наша семерка немного посовещалась и отправилась в проходную контору, где все еще продолжала суетиться охрана.

После некоторых переговоров с комендантом охраны, нас пропустили в завод.

Внутри завода в это время происходило следующее: заводский комитет, находившийся во 2-м этаже (над проходной конторой), видя бунт безработных, скрылся в полном своем составе. Даже технических работников не было на месте, когда мы туда пришли.

Тоже самое происходило и в директорате, потому-что директора в кабинете не было.

Нас принял растерянный швейцар и сказал, чтобы мы прошли в бывшую столовую инженерно-технического персонала (где теперь помещается партком). В столовой мы сидели в одиночестве около получаса, потом по-немногу стали собираться представители фабкома, за ними появился директор со „свитой".

Надо сказать, что приняли нас очень холодно. Мы сидели на правой стороне зала. На наш длинный ряд стульев никто не сел, кроме большевика Антонова.

Первым обратился к делегации директор Еремеев. Он спросил:

— Какое отношение вообще и непосредственно к заводу имеет женщина?

Михайловская так ответила директору:

— Я являюсь равноправным членом делегации, потому что выбрана женами безработных.

Директор снова сказал:

— Вы никакого отношения не имеете к заводу, а потому я предлагаю вам удалиться.

— Идите скажите это за воротами—безработным,— бойко ответила делегатка.

Наступила неловкая пауза, после которой сконфуженный директор объявил собрание открытым и предложил порядок дня:

— Первое, —говорил он,—доклад дирекции о положении завода. Второе—текущие дела.

— Мы вносим поправку, добавил я. — После доклада заводоуправления выступит наша делегация с требованиями безработных.

Добавление было принято.

В своем докладе Еремеев ничего нового не сказал. Он лишь перечислил старые циркуляры, которые мы уже читали у заводских ворот.

От безработных мы выставили следующие требования:

— Немедленно принять всех безработных на завод.

— Открыть сейчас же в обществе потребителей кредит безработным.

— Немедленно освободить рабочих, схваченных и заключенных под стражу за участие в беспорядках.

На наши ультимативные требования ответную речь держал Еремеев. Он заявил, что из всех требований он принимает только первое, а последние два вообще считает несерьезными, особенно освобождение рабочих, которые наносили охране оскорбления действием и словами.

В прениях приняли участие немногие. Один из членов заводского комитета (я не помню его фамилии, он выглядел солидным толстяком) сказал:

— Они, говорил он, требуют немедленного освобождения бандитов, налетавших на государственный завод и произведших насилие над революционной охраной, Их,—продолжал он,—не только не надо освобождать, а наоборот, следует отправить туда и эту самозванную делегацию, привлечь ее к революционной ответственности за подстрекательств к беспорядкам.

Вслед за таким заявлением без всякого на то разрешения берет слово анархист Михайловский. Он бросил какие-то угрозы, но поднялся шум и ему не дали говорить.

После того, как улегся шум, слово берет большевик Антонов [1]).

— Товарищи, выборные от безработных, — сказал он,—вас здесь министерские лакеи назвали самозванцами, подстрекателями, а голодающих рабочих бандитами. В чем тут дело? В том, что эти люди идут на поводу у капиталистов. Вы думаете заводоуправление примет то или иное требование безработных, не посоветовавшись с министрами? Конечно нет. Что им министры прикажут, то они и сделают...

Антонову также не дали сказать до конца. Когда шум стих, он громко заявил.

— Я прошу делегации передать безработным, чтобы они собрались в театре „Вена“ (теперь клуб им. Бабушкина), мы подробно поговорим.

Закрывая собрание, предзавком сообщил, что окончательный ответ безработные получат завтра, через объявление.

На другой день утром рабочие узнали, что о приеме на завод будет оповещено особым объявлением. В объявлении также сообщалась, что тогда же будут вывешены списки, в коих будут указаны фамилии лиц, принимаемых на работу.

К безработным, толпившимся у завода, вышел тов. Антонов и сказал, что в лавке открывается кредит безработным и, что задержанные за „беспорядки“ рабочие освобождены без всякого допроса.

Собрание безработных в театре началось в два часа дня. Вначале рабочих не пускали в помещение, но потом приехал Антонов с разрешением на устройство собрания и нас впустили.

Помещение театра набилось до отказа. На собрание пришли не только обуховцы, но и рабочие других заводов района.

---

[1]) Этот товарищ в 1919 году работал в отделе народного образования нашего района, после ушел на фронт. В то время он был членом цехкома.

Тотчас же был выбран Районный Комитет безработных.

Я помню, что все выступления на собрании носили большевистский характер. Ни одного эсера, ни одного меньшевика не выступало.

В заключение мы приняли резолюцию о недоверии Временному правительству. Мы призывали всех рабочих тесней сплотиться вокруг партии большевиков.

Комитет безработных, организованный по инициативе т. Антонова, в скором времени был разогнан. Эта организация, руководимая большевиками, не на шутку напугала меньшевиков и эсеров и с ней они постарались разделаться.

Бунт безработных Обуховского завода являлся первым протестом против реформистов, против оборонцев и в целом против Временного правительства.

Конечно, не сразу после „беспорядков" нас приняли на завод. Директаорат еще долгое время вывешивал успокоительные сообщения, а безработные оставались без куска хлеба.

Начатое нами движение, возглавляемое большевиками (анархисты сразу же отошли от нас) развертывалось и углублялось с каждым днем.

Устраивались в цехах летучки и разоблачались действия империалистических слуг.

Только после того, как большевики повели решительную борьбу за принятие на завод безработных, большая часть нас была принята на работу.

Ожесточенные схватки коммунистов с соглашателями дали возможность обуховским рабочим полностью понять предательскую роль меньшевиков и эсеров и встать под знамена большевизма.

И. А. Волгин.

От Февраля к Октябрю.

После февральской революции я был избран председателем фабкома своего предприятия. Начался горячий период: нужно было разъяснить сущность февральской революции и организовать выборы в Совет Рабочих депутатов.

Время почти полностью уходило на беспрерывные собрания и совещания.

Хозяевами положения тогда были социалисты-революционеры и меньшивики. Работал я тогда на заводе в Полюстрове, принадлежащем министерству земледелия.

Попутно скажу, что завод б. Парвиайнен, с которым мы находились в соседстве и держали все время связь, был также революционно настроен. Там имелись неплохие агитационные силы большевиков, которые все время (до июльских дней) будировали массу. Это делалось не взирая на то, что бывало меньшевики не давали говорить большевистским ораторам.

Захваченное оружие в феврале мы сумели сохранить до июльских дней.

Однажды министр Керенского Скобелев издал приказ по Петрограду, о том, что все оружие, захваченное рабочими в февральскую революцию, должно быть сдано в 3-х дневный срок. На собрании мы решили: оружия никому не отдавать, а запрятать в укромное место (что и было сделано). Оружие мы припрятали по углам за ящиками, в канавах литейной мастерской и т. д.

Корниловское выступление застало нас как то врасплох.

Мы хотя и осторожно, но горячо обсуждали этот вопрос. Начальство на заводе состояло в большинстве из офицеров, поэтому приходилось собираться только маленькими группами.

Июньская патриотическая демонстрация, на которую Керенский возлагал большие надежды, не оправдала себя. Рабочая масса выступила не с поддержкой войны, а с лозунгами: „Вся власть советам", „Долой десять министров капиталистов".

Надо сказать, что эта демонстрация Временным правительством мыслились, как мирная, а вышло наоборот. Анархисты, находящиеся на даче б. Дурново, присоединились к демонстрации, вооруженные винтовками и бомбами. Они вклинились в ряды как раз рядом с нами. Вместе мы прошли городом к Марсову Полю (ныне поле Жертв Революции), где в разных местах на трибунах „громили" Временное правительство, требуя прекращения империалистической войны.

Послушав часа три разных ораторов, мы пошли освобождать полит-заключенных из тюрьмы (из „Крестов"). Но этого нам так и не удалось осуществить (отряд наш был очень малочисленным).

Июльские дни не захватили нас врасплох. В то время я держал телефонную связь с дворцом б. Кшесинской—с Петербургским Комитетом партии (б), запрашивал: выступать или не выступать? Мне сообщили из П. К (б) что надо воздержаться от вооруженного выступления. Но когда я вышел на двор, где уже были собравшиеся рабочие, вооруженные — кто винтовкой с пулеметной лентой через плечо, кто просто с одной шашкой, — извещение мое было встречено с неодобрением. Я сообщил, что П. К. (б) предлагает воздержаться от выступления. Однако эти слова не убедили рабочих. Они немедленно же пошли в город, сняли Канатную фабрику и завод Промет. По пути к колонне присоединились Металлический завод, ныне завод им. Сталина, завод б. Розенкран — ныне „Кр. Выборжец", завод Феникс — ныне Свердлова,

Дальше присоединился Арсенал. Дойдя до Литейного моста, завязали перестрелку с казаками и кадетами-юнкерами, стоявшими по ту сторону моста.

Правда, казаки открыли сильный пулеметный огонь, но и мы не спали. В результате боя с нашей стороны были раненые. Были-ли жертвы с их стороны — неизвестно. Так как нам тяжело было отбиваться, мы стали постепенно рассеиваться по промежуточным улицам: кто опять к заводам, кто домой (конечно, унося с собой оружие)

Напомню, что рабочим нашего района большую пользу принес первый пулеметный полк, стоявший тогда на Самсониевском проспекте (ныне проспект Карла Маркса).

После этого выступления мне удалось с несколькими рабочими побывать в Таврическом дворце (то есть 5-го июля).

Июльские дни кончились, начался нажим на заводские Комитеты. Трудно нам пришлось в то время! Начальство стало закрывать завод за заводом. Рабочие получали расчет. Наш завод тоже закрыли (до момента закрытия задерживали выплату зарплаты). Мне, чтобы избежать ареста, пришлось скрываться.

Наступил Октябрь. Керенский закрылся в Зимний Дворец.

Помню, как на уличном митинге соловьем заливался меньшевик Либер, громя большевиков. Ему отвечал солдат с грузовика. Солдат (только что прибывший с позиции) говорил о безобразиях, которые были на фронте, об империалистической сущности войны.

— Нас гонят на фронт, — говорил солдат, — а почему? Потому что Милюковым требуются Дарданеллы. Капиталистам нужны рынки, а нам ради этого приходится избивать таких-же, как и мы рабочих и крестьян — немцев, турок и т. д. Нет, товарищи, мы не будем вести грабительскую войну в интересах капиталистов. Долой войну! Уж если воевать, так воевать

надо со своей собственной буржуазией, за власть советов!

Говорили так же рабочие большевики.

В конце дня на нас налетели казаки, юнкера и опять началась схватка. Пришлось удирать.

Известие о сдаче Зимнего я встретил у Октябрьского вокзала. Спешил быть активным участником штурма Дворца, но раздались пушечные выстрелы, которые говорили, что Временное правительство пало и власть перешла к советам.

Вскоре вышли листовки, известившие о назначении Совета Народных комиссаров. Имя Владимира Ильича Ленина, фигурирующего председателем Совета Народных Комиссаров, было встречено трудящимися с большой радостью.

А. С. Соколов
Рабочий Петрозавода

Владимир Ильич у Обуховцев.

Чтобы уяснить причины эсеровского влияния на большую часть обуховских рабочих, необходимо понять следующее. На Обуховском заводе сколотился постоянный контингент рабочих, чего не было на других заводах Петербурга. Во-вторых, многие рабочие являлись местными жителям Леснозаводской, Мурзинской деревень, а также села Рогаткова, т. е. имели мелкую собственность (землю, скот и другой инвентарь).

Обуховский завод — казенный завод, работавший на нужды войны. На него весьма трудно было попасть „чужакам".

Слабой была и марксистская пропаганда. Как я теперь убеждаюсь, это отчасти объяснялось тем, что меньшевистские и эсеровские кружки работали почти бесперобойно (их особенно не беспокоили ни арестами, ни ссылками.[1])

Этого нельзя сказать про большевистские кружки. Едва большевистский кружок появлялся, он сейчас же попадал под „разгром".

Я помню такой случай: в 1913 году мы собирались у одного рабочего на Софийской улице (против Мурзинского леса, немного дальше того места, где теперь стоит Детский дом, выстроенный тогда Обществом Трудолюбия). Этот товарищ и сейчас работает на заводе, кажется, в станочной мастерской. Фамилии его не помню. Он коммунист.

Мы собирались у него в течение двух месяцев. К нам тогда в качестве пропагандистки приежала интеллигентка- курсистка.

---

[1]) Я говорю о периоде 1912-14 г.

Наш кружок жил недолго. Сначала полиция арестовала двух кружковцев, которые впоследствии бесследно пропали; потом была схвачена пропагандистка, после чего кружок развалился.

В 1916 году меня вновь пригласили в социал-демократический кружок (приглашал рабочий станочной мастерской Костромской). В этом кружке насчитывалось до десяти человек.

Вначале нам было трудно понять политическую установку кружка, потому что на собраниях у нас бывали и большевики, и меньшевики. После ребята заявили, что к меньшевистским агитаторам они ходить не будут. После этого шума на кружок стал приезжать пропагандист—большевик.

Но кружок также вскоре умер. Вначале были арестованы некоторые кружковцы, а потом полиция арестовала и пропагандиста.

Среди нас оказался провокатор. Это тот Костромской, который меня в кружок пригласил. Он стоял в центре кружка, ему верили, за ним шли. (Когда, после Февральской революции были опубликованы списки агентов сыскного отделения, Костромской застрелился).

Из кружковцев я хорошо помню Володю Яцковского (сейчас коммунист работает на з-де бывш. Леснер) и Колю Земеля, погибшего в Крыму во время гражданской войны.

После Февральской революции—и завком, и директорат были эсеровскими. Первый председатель завкома Борзов—эсер; директор Еремеев также принадлежал к эсеровской организации.

С этого момента (т. е. с февраля) на заводе началась открытая идеологическая борьба большевиков с эсерами и меньшевиками. Сколько грязи, сколько гнусной лжи и клеветы выливали тогда соглашатели на большевиков и их сторонников! Они травили их в печати и на собраниях.

После Октября на заводе частыми гостями стали т. т. **Бадаев, Зиновьев, Луначарский, Володарский и** Томский—большевики. Особенно мне запомнился выступавший против соглашателей тов. Володарский. Он говорил следующее (я буквально запомнил его слова):

—За что ругают большевиков? За то, что рабочие и солдаты под руководством большевиков убрали Керенского, сбросили министров-капиталистов; за то, что рабочие брали и берут от капиталистов банки, заводы и фабрики,—вот за что ругают большевиков! Но ведь этого рабочие добивались еще в первую революцию 1905 г. А раз тогда это не вышло, то рабочий класс добился этого теперь—в Октябрьский переворот. За это нужно не ругать, а хвалить большевиков; не итти против них, а наоборот—вместе с ними шаг—за шагом укреплять завоевания рабочего класса...

Эта речь произвела на рабочих сильное впечатление.

Надо сказать, что как только на заводе устраивается какой-либо митинг, меньшевики и эсеры немедленно присылают к нам весь свой „генералитет".

Рабочие, посещая собрания, все время ожидали приезда на завод тов. Ленина. И вот, в июне 1917 г. в громадной башенной мастерской был созван громадный митинг, на котором, как это тогда усиленно говорили, должен был выступить Владимир Ильич. Узнав о приезде к Обуховцам Ленина, меньшевики и эсеры мобилизовали всю свою „тяжелую артиллерию": там были Чернов, Авксентьев (он-же Серов), Либер, Дан, Гоц, Дейч и другие. Они приехали в великолепных автомобилях и были встречены довольно-таки пышно.

Вот картинка митинга.

Громадная башенная мастерская переполнена. Митинг на полном ходу. Выступают Чернов, Либер, Дейч, Дан, но Ленина еще не было.

Я никогда не видел и не слышал Владимира Ильича. Мне очень хотелось посмотреть его. Случилось так, что во время речи Дана я направился к выходу.

У громадных ворот башенной мастерской уже стоял несколько рабочих и ждали. Прошло десять мину и мы увидели, как в главные ворота завода нырнул крохотная машина. Через некоторое время она подъ ехала к нам. (Эсеры—устроители митинга, послали з Лениным самую плохую машину).

Я великолепно ее запомнил. Автомобиль был окра шен в защитный цвет, с помятым и уже местами покрытым ржавчиной кузовом.

Владимир Ильич приехал с Надеждой Константи новной Крупской. Он тепло ответил на наши привет ствия и быстро направился во внутрь мастерской, где затерялся среди многотысячной толпы. Владимир Ильич появился на трибуне в тот момент, когда говорил Авксентьев. Авксентьева мы великолепно знали раньше Под кличкой Серова он неоднократно выступал у нас в минной мастерской еще до революции.

На трибуне, во время появления Владимира Ильича стало большое оживление. По громадной аудитории башенной мастерской из уст в уста прокатилось: „Ленин приехал, Ленин на трибуне".

Аудитория заволновалась, слегка зашумела. Начались тихие переговоры и отдельные выкрики по адресу Серова:

— „Довольно! Ведь старое говоришь! Слыхали!"

Эти выкрики и поднятый шум мешали оратору и он, бросив в конце злой упрек по адресу большевиков, быстро закончил свою речь.

Движение и шум среди рабочих были вполне закономерным явлением. Меньшевики и эсеры очень часто приезжали на завод и не только выступали на общезаводских собраниях, но даже и на цеховых, — словом, были постоянными „гостями". И, конечно, больше занимались тем, что ругали на чем свет стоит большевиков. Большая часть ругани, естественно, падала на Ильича. Сами того не замечая они усиливали его популярность. Вот почему рабочие хотели услышать, — что именно будет говорить Ленин.

Раздались жиденькие аплодисменты, когда председатель объявил о выступлении Ильича. В самом начале речи было очень плохо слышно оратора. Меньшевики и эсеры пытались вызвать шум, чтобы сорвать выступление Ленина. Большей же части рабочих хотелось слушать Ленина, поэтому слышались возгласы, призывающие протестантов к порядку.

Подобная обстановка, однако, несмущала Ильича. Он со всей силой ораторского мастерства продолжал говорить и все больше и больше овладевал рабочей аудиторией.

Отдельные группы все еще не унимались и попрежнему искусственно создавали шум. Рабочие продолжали призывать неугомонных к порядку.

Речь спокойно лилась и аудитория начала успокаиваться.

Тогда стоящие на трибуне лидеры меньшевистких и эсеровских партий начали осыпать Ильича едкими репликами, Ильич не обращал на них никакого внимания и настойчиво продолжал говорить.

Но „трибунщики" не унимались и продолжали травить его репликами. Это безобразие было замечено и сама аудитория начала призывать дезорганизаторов к порядку. В конце концов, водворилась полная тишина.

Положение для эсеров и меньшевиков создалось очень невыгодное. Они время от времени продолжали мешать „репликами", но безуспешно. А когда оратор коснулся вопроса о значении золота для государства, Авксентьев бросил едкую реплику. Владимир Ильич ловко ответил на реплику каким-то остроумным замечанием. Раздался оглушительный взрыв смеха, который сменился продолжительными аплодисментами по адресу Владимира Ильича.

После этого Ленин окончательно завладел аудиторией. Даже боялись нарушать воцарившуюся тишину меньщевики и эсеры.

Я смотрел в зал и видел бесконечное море голов. Они впились глазами в оратора, с жадностью ловили

каждое слово. Смелые призывы в простом и сжатом изложении возбуждали рабочих, рождая в них новые мысли.

Вдруг — в тишину врываются пронизывающие похожие на сиренный вой звуки и вихрем разносятся по огромному железному зданию, совершенно заглушая оратора. Это были паровозные гудки.

Аудитория заволновалась. Послышались крики:

„—Приостановите свистки! Скажите, чтобы они убрали паровозы!“

Несколько человек, в том числе и я, поспешно направились к выходу и побежали к прокатной мастерской, где находились паровозики. Мы предложили машинистам, чтоб они уехали отсюда, т. к. гудки мешают собранию.

—„Нам нет никакого дела до вашего собрания — ответили машинисты. — Мы должны работать“.

После некоторых переговоров нам удалось уговорить машинистов и они помчались по направлению к электрической станции.

Когда мы вернулись в цех, тишина уже восстановилась и Владимир Ильич продолжал свою речь. Но не прошло и десяти минут, как снова раздается пронзительный гул паровозных свистков. Снова в зале поднимается рев протеста и летят реплики:

—„Да прогоните этих негодяев в шею“!

Мы снова срываемся с места и направляемся к выходу.

—Это они умышленно подстроили, — заметил выбежавший с нами рабочий. — Они Ленину не дают говорить.

Подойдя к машинистам, мы категорически предложили им убраться от башенной мастерской. Машинисты нам ответили, что де, мы не являемся начальством, а потому и приказывать им не имеем права.

—„Не мешайте нам работать, — мы за это получаем деньги“ — кричали они.

В эту минуту подбегает к нам с железным ломиком парнишка — стрелочник (он сопровождает поезда), — я как сейчас помню его разгоряченное лицо и горящие голубые глаза.

— Неправда, неправда,—закричал он.—Нам начальство приказало ехать сюда. Мы и приехали. Они, они... От сильного заикания он не мог больше говорить и замолчал.

Но и без того было ясно, что выходка машинистов—дело рук меньшевиков и эсеров. Все это было рассчитано на то, чтобы сорвать выступление Владимира Ильича.

Мы еще раз предложили машинистам убраться, но они и слушать нас не хотели. Тогда мы насильно стащили их с паровозов, а один рабочий спустил пар. Когда мы вернулись в цех, то уже невозможно было пробраться к трибуне. Мы дослушали речь, находясь у входа в мастерскую...

Я уже упоминал, что и до Владимира Ильича к нам на завод приезжали видные большевики. После речей Володарского и др. выступлений большевиков, начался отход рабочих от реформистских партий. Этот отход конечно, не произошел механически, а был следствием большой агитационно-пропагандистской работы среди рабочих через печать лекции и собрания.

После выступления Владимира Ильича, в цехах пошла настоящая идеологическая война между большевиками и меньшевиками. В этой борьбе ковалась и росла большевизация завода...

И. А. Волгин.

Как мы боролись за Октябрь.

(Воспоминания красногвардейца).

8 июня я приехал в Ленинград (тогда Петроград) с Турецкого фронта и, конечно, пошел на завод „Вакумойль", с которым был связан. Там я встретил старых знакомых,—с ними работал прежде— Василия Ивановича и Касаткина.

Они мне говорят:

— Если думаешь серьезно работать, то вступай в большевистскую партию. Иди во дворец Кшесинской, там тебя запишут. Мы тебя рекомендуем.

Пошли. Василий Иванович и Касаткин дали рекомендацию. Меня записали.

Я предложил свои услуги по организации боевых дружин.

— Я военный человек и на этом деле буду полезнее всего,—заявил я тут-же.

Но меня еще не знали и потому направили на завод к тов. Тыквину. Тов. Тыквин - наш рабочий, партиец. Он меня знал и сразу же предложил вступить в отряд Красной гвардии, который тогда формировался.

Так, 5 июля я вступил в Красную гвардию.

Нужно было поддерживать связь с милицией и заботиться о получении оружия. Я был связан с Невской районной милицией, добывал патроны и винтовки, держал связь с боевой рабочей дружиной Александровского завода (теперь Пролетарский).

Винтовки и патроны мы прятали в землю.

3 июля наша боевая дружина выступила по поручению Совета рабочих депутатов для поддержки солдат, поднявших восстание. (Эти солдаты были отпущены Керенским домой; когда их опять стали собирать, они возмутились и отказались повиноваться).

Мы быстро двигались по направлению к Царскосельскому вокзалу и уже дошли до угла Невского и Садовой. Здесь нас встретил значительный отряд юнкеров.

Наш отряд имел всего 20—22 человека. В отряде были Тыквин, Касаткин, Гусев, я и другие товарищи.

Юнкера открыли по нам пулеметный огонь. Наш отряд не пострадал, потому что мы раскинулись цепью около домов, но было убито и ранено много прохожих. Силы были слишком не равны и мы вынуждены были отступить.

У Николаевского вокзала мы остановились, обсудили положение и решили вернуться на завод.

На заводе (на следующий день) мы еще раз обсудили уроки вчерашнего дня. Выяснилось, что 3 июля выступление было не подготовлено. Мы не подняли всех рабочих заводов, мы выступили небольшим отрядом. Не все воинские части были на нашей стороне. Солдаты, поднявшие восстание, не были вооружены. И мы решили учесть все уроки и повести большую массовую работу среди рабочих и солдат.

На нашем заводе насчитывалось 150 рабочих. Партийцев имелось пять человек. Это (по тем временам) считалось большой партийной прослойкой. Например, на заводе Семянникова, ныне имени тов. Ленина, было 8.000 рабочих и всего 30 коммунистов.

В нашу ячейку входили Алексей Тыквин, дядя Вася, Гриша, я и один товарищ—имени его не помню. Мы собирали рабочих и беседовали с ними на разные темы—о войне, об экономическом положении и т. д.

Настроение рабочих было напряженное. Все были очень недовольны Временным правительством, возмущались лозунгом „война до победного конца“.

Мы, конечно, старались использовать эти настроения и обстановку и мобилизовывали рабочих вокруг наших лозунгов—против Временного правительства, за роспуск армии, за вооружение рабочих.

Сочувствующих имелось много. В октябрьские дни наш отряд насчитывал уже 35 человек—это те товарищи, среди которых мы вели работу.

---

24 октября (старого стиля) мы получили распоряжение от Совета рабочих и солдатских депутатов быть готовыми к выступлению. Это было в 9 часов вечера. А в 11 час. веч. мы получили второе распоряжение и выступили в город, в распоряжение Антонова—Овсеенко.

В 12 часов ночи Антонов—Овсеенко велел отряду занять телефонную станцию. В отряде были рабочие заводов „Вакумойль", „Салолин" и бывшего Нобеля (теперь „Красный нефтяник").

Телефонную станцию заняли без боя. Телефонистки, конечно, подняли шум. Мы рассадили своих людей в очередь с телефонистками.

Затем командир распорядился занимать главный штаб. Отряд двинулся к Невскому проспекту.

Мы уже подошли к арке, ведущей к площади Зимнего дворца. Вдруг—слышим выстрелы со стороны Зимнего. Мы бросились вперед, но Антонов—Овсеенко, который был тут-же, задержал нас.

В Зимнем засели юнкера и женский батальон, вокруг дворца высились баррикады из дров. Надо было действовать осторожно наверняка. Мы так и делали.

25 октября к часу дня—наш отряд вырос: подошли броневики и автомашины. С Миллионной улицы наступали матросы.

Антонов—Овсеенко дал сигнал и потребовал сдачи. Зимний молчал. Тогда мы двинулись вперед. На баррикадах столкнулись с женским батальоном и опрокинули его.

Женщины с криком, с плачем бросились во дворец. Мы—за ними.

Матросы, которые наступали с Миллионной улицы, заняли батарею и тоже ворвались во дворец.

На лестницах нас встретили юнкера с винтовками на изготовке. Произошла стычка. Некоторых мы по

кололи, а остальных разоружили. Разоруженных стали обыскивать.

Тут нам пришлось порядком посмеяться: оказалось, что „идейные“ и „культурные“ защитники Зимнего—юнкера—набрали под „шумок“ полные карманы серебряных вещей, ордена—все, что попало под руку.

По коридорам мы добрались до зала, где заседало Временное правительство. Антонов-Овсеенко с бомбой и револьвером в руках во главе нашего отряда ворвался в зал.

—Руки вверх!—крикнул он.

Члены Временного правительства сидели вокруг стола: кто пил чай, кто дремал, кто разговаривал.

Они не сопротивлялись.

Их арестовали. Антонов-Овсеенко приказал отряду отвести их в Петропавловскую крепость. Я был с отрядом, который отводил арестованных членов Временного правительства.

Затем наш отряд отправился на завод,

По дороге на завод мы встретили тт. Воробьева и Дункена. Они ехали на авто, ехали за Невскую заставу.

— Нужно ехать за Невскую, разоружать милицейскую комендатуру. Едем с нами.

Мы поехали. Приезжаем на Смоленский, к дому № 49. Комиссаром комендатуры был меньшевик Иванов-Белковский. Мы предложили ему сдать комендатуру без боя. Комендатуру Белковский сдал, а сам с несколькими милиционерами ушел на Железнодорожную улицу. Там он основал „свою“ комендатуру.

Однако, эта „комендатура“ просуществовала всего 2 дня. На второй день его штаб мы разогнали, а на третий день был арестован сам Белковский,

---

Одним из важных мероприятий было поддержание на улицах революционного порядка. В районе к тому времени был организован штаб Красной гвардии под

руководством Воробьева и Дункена. Штаб поручил нам ведение охраной службы.

Мы знали, что дело это не легкое. Время стояло тревожное. Всякие темные силы старались использовать все пути и средства, чтобы сбросить большевиков.

На улицах, как только скоплялись кучки людей, сейчас-же появлялись „агитаторы", призывавшие слушателей к свержению советской власти, к созыву Учредительного собрания и т. д. Приходилось нам эти собрания разгонять, а злостных „агитаторов"—арестовывать.

Мне также пришлось работать по ликвидации уголовного элемента. Надо сказать, что уголовщики тогда действовали особенно активно, а это, конечно, вело к недовольству среди населения, рождало всякие слухи, сеяло панику.

Однажды я стоял на посту—угол Смоленского и Прогонной. Подбегает ко мне женщина и говорит:

—У меня были грабители, забрали все—до нитки. Я солдатка, заступиться за меня некому. Помоги, товарищ!

Я спрашиваю:

—А куда пошли грабители?

—А вон туда, к Семянниковскому заводу, к чайной.

Я побежал туда. Смотрю — около чайной сидят трое, делят какие-то вещи. Я их арестовал и отвел в штаб.

Улики имелись на лицо и суд был короткий.

—Что с ними делать?

—Расстреляты!

Вопрос решили общим голосованием. Грабителей отвели вниз и расстреляли.

Да иначе и нельзя было: грабежи в те дни являлись преступлением не только уголовным, но и политическим и бороться с ними можно и нужно было только самыми репрессивными мерами.

Во второй половине января тов. Дункен отправил меня в штаб Красной гвардии, в Волкову деревню, инструктором по пулеметному делу. Штаб помещался в продовольственной лавке купца Козлова.

Я получил пулемет и приступил к обучению красногвардейцев. Но почти каждый день приходилось отрываться для борьбы с бандитизмом.

Помню такой случай. Это было, примерно, числа 5 февраля. Мы пошли с обыском к фабриканту Алаеву—владельцу бензинных складов и нашли у него два бака с бензином, зарытые в земле, а на квартире—12 пудов серебра.

Едва вернулись в штаб—телефонный звонок. Звонят с завода „Салолин".

—В общежитии рабочих—грабеж. Приехали люди в черном автомобиле, вооруженные. Забирают пожитки рабочих.

Я схватил 2 бомбы и наган, скомандовал—„команда, за мной" и мы побежали к заводу „Салолин".

У общежития, видим, стоит автомобиль. Когда мы стали приближаться к нему, он двинулся нам навстречу.

Не долго думая, я расставил красногвардейцев на дороге и велел им стрелять. Сам встал таким образом, чтобы когда автомобиль поравняется, бросить в него бомбу.

Автомобиль шел очень быстро. Бомбу я бросил, но от сильного встречного удара бомба отскочила и взрыв получился сзади. Выстрелы красногвардейцев не попали по той же причине: автомобиль помчался, как вихрь.

Что делать? Я немедленно сообщил об этом в штаб 1 района (помещался тогда на Кузнечном), чтобы они выслали к мосту Обводного канала машину с пулеметом. Машину выслали—и „черный автомобиль" был снят. Мы подоспели, задержали несколько уголовников—бандитов.

А вот другой случай. Сижу я как то вечером в штабе—мы тогда в штабе все время проводили—вдруг входит часовой.

—Сейчас мимо прошли 7 вооруженных с узлами,

—Почему же ты их не задержал?

—Их было семеро, они вооружены, а я—один.

Через несколько минут вбегает в штаб железнодорожный служащий и рассказывает, что его обобрали 7 вооруженных.

—Забрали все вещи, одежду, 2 ружья центрального боя,—взволнованно сообщил он.

Я взял винтовку, позвал 15 дежурных, бывших тогда в штабе, и побежал на улицу.

Добегаем до моста у Волковки и Ростанной — никого нет. Куда итти? Я послал команду по Волковке, а сам побежал по Росстанной. У кольца трамвая я заметил 7 вооруженных с узлами. „Несомнено, это грабители, которых мы ищем", подумал я. Но сзади остановить их я не решился — они, все равно, убежали бы. Тогда я решил взять их „в обход". Я спрятал винтовку под шинель, перешел на другую сторону улицы, обогнал грабителей, опять перешел дорогу и пошел им навстречу, взяв винтовку на изготовку.

— Руки вверх! — скомандовал я.

Уголовники бросили узлы и схватились за оружие.

Раздумывать было некогда — я делаю несколько выстрелов. Трое падают. Тем временем один из грабителей подобрался ко мне, боком, придерживаясь стенки. В руках у него блеснул револьвер. Однако, я опередил его — размахнулся и ударил прикладом. Он упал.

Все это произошло буквально в несколько мгновений. Бандиты, оставшиеся в живых, бросились бежать, отстреливаясь.

Я побежал за ними, но вдруг почувствовал боль в правой руке: один из бандитов ранил меня.

К счастию, из-за угла появились мои красногвардейцы. Они уже обошли весь район, услышали выстрелы и поспешили мне на помощь. Вместе с ними я забрал троих убитых бандитов, подобрал и того, которого ударил прикладом, погрузили на извозчика вещи и вернулись в штаб.

Допрос учинили сразу. Сперва бандит пытался отпереться, но улики были слишком явны. При нем мы нашли патроны от ружья центрального боя, ружья и т. д.

Утром мы вызвали железнодорожника, который заявлял нам о грабеже, он сразу узнал и бандита, и вещи.

В конце концов, грабитель признался. Оказалось, что они „солдаты из батальона смерти". Больше мы его не допрашивали, а отправили на Гороховую к тов. Урицкому. Меня же отправили в Мариинскую больницу лечить руку: пуля засела у меня в руке.

---

15 февраля меня пригласили на конференцию красногвардейцев. Конференция состоялась на Литейном проспекте, в доме № 15. Там выступал тов. Володарский. Он говорил уже об организации Красной армии.

23 февраля был опубликован декрет об организации Красной армии. 28 февраля я отправился в штаб (помещался тогда на Загородном) и заявил, что хочу добровольцем записаться в Красную армию.

Врачебная комиссия меня не принимала.

— Куда же ты без руки, — уговаривали меня. — Раньше полечись, а потом воюй.

Но я настаивал. Тогда меня отправили на курсы саперных войск. А в октябре, когда рука моя уже зажила, вместе с Петроградским маневренным батальоном я ушел на Кавказский фронт.

А. Егоров.

Рассказ комиссара финансов.

Холодный, ветренный ноябрь семнадцатого года. Мы—народные избранники—сидим в большой неуютной комнате и решаем дела. Забот сразу возникло великое множество: охрана предприятий, народное образование, здравоохранение, финансы. Сидят: Болдырева—председатель совета, только что вернувшаяся из сибирской ссылки; Попов—секретарь совета, обуховский рабочий; Дункен—комиссар охраны; я—„без портфеля“ и еще несколько товарищей. Сидим и думу думаем:—кому вручить финансы? Решили—поручить Котову, т. е. мне.

—Что ж,—говорю,—попробую.

Дали мне портфель и сказали:

—Поезжай в Смольный за деньгами.

Надо оговориться, что „комиссара по финансам“ выбрали, а денег в кассе совета не было ни алтына.

Приехал в Смольный, нашел президиум. Говорю:

—Доложите председателю—прибыл комиссар финансов.

Председателем Петроградского совета был Троцкий. Когда представился ему, он мне сказал:

—Идите к Бакаеву и скажите, чтобы он выписал вам чек на 10 тысяч рублей.

Иду к Бакаеву, получаю деньги. Сам думаю: „Надо машинку пишущую для совета купить. Работать не на чем“.

Купил машинку „Ундервуд“.

Мы вновь выбранные в совет только что приступали к работе [1]). У нас не было канцелярских принад-

---

[1]) Речь идет о совете после 25 октября.

лежностей, не было обстановки. Стали таскать—кто что мог. Несли чернильницы, бумагу. Купленная мною машинка совсем спасла наше положение. Стали работать.

На мою голову свалилась масса хлопот: надо было содержать милицию (числилось до 300 человек, платили им по 300 рублей в месяц), а тут мелкие заботы: покупка дров для совета, приобретение сена для лошадей. Как какой расход—сразу направляют ко мне.

—Вот,—говорят,—комиссар финансов, он все денежные дела устроит.

В то время все рабочие окраины кишели бандитами. Как вечер—так ограбление или налет. Приходилось охранять общественные здания, фабрики и заводы.

Большую помощь нам оказывала Красная гвардия. Она несла охранную службу, боролась с бандитами, производила аресты по приказу совета, а с наступлением Юденича ушла на передовые позиции фронта.

Содержание милиции, Красной гвардии (и другие расходы) требовали массу денег. Несколько раз я ездил за деньгами в банк.

Раз такой случай был. Нужно было получить в банке 375 т. рублей. Дали мне шестиместный автомобиль и сказали:

— Поезжай на Гороховую.

Поехал. Дорога плохая, меня трясет в машине, как мячик. Даже вспотел весь. Не выдержал и постучал шоферу. Говорю ему:

— Остановись. Дальше не поеду.

— А как-же на Гороховую?

— Пешком пойду.

Пришел на Гороховую, получил деньги. Думаю: „Как их подальше положить, чтобы потом поближе взять". Сделал так: деньги спрятал под рубаху, а в портфель положил всяких бумаг.

Вышел на улицу и решил машины не брать, а дойти до вокзала и сесть на паровичок. В то время

ходили два паровичка: один к Лесному Институту, а другой к нам—за Невскую заставу.

Так и сделал. Приезжаю в совет, а там уже беспокоятся. Попов—секретарь совета—говорит:

— Как ты жив остался? Ведь шофера, который повез тебя, убили бандиты.

Я сказал, что шофера отпустил, а добрался на паровичке. А сам подумал: „Случайность спасла, а то был-бы убит. Вот тебе и комиссар финансов!“.

Денег много собралось у меня. Набил ими две наволочки и на них спал, даже к старухе неделями не показывался. А если бывал дома (деньги с собой носил, шкафа несгораемого ведь не было)—прятал их за обои. Случалось, что хранились они и у бабы под юбкой... Все было.

А то станешь иногда проверять „кассу“—целую ночь сидишь, пересчитываешь.

Много было разных комичных случаев. Раз ночью приходит к нам в совет один рабочий и жалуется, что его обыграли в карты. Попов берет красногвардейцев и идет „посмотреть“. Вдруг слышу сильный стук в дверь и выстрел. Пуля прожужжала мимо моей головы. Открываю дверь и вижу—лежит человек (убитый), а к дверям идет Попов с красногвардейцами. Попов рассказал, что это они гнали бандита и убили у наших дверей.

Однажды меня хотели арестовать по приказу Ильича. Было это так. В целях экономии, я решил слить два параллельных управления Химических заводов. Одно управление находилось в доме инженера Красновского (угол Потемкинской и Захарьевской), а другое при заводе. Инженеру мы ежемесячно отпускали большие суммы на его управление; отпускались так-же деньги и на управление заводское. Я призвал красногвардейцев и поручил им произвести эту операцию. Они пришли в дом Красновского и давай забирать столы шкафы, чтобы перевести в заводскую контору. Инженер, будучи знаком с Ногиным, позвонил ему, а сам

стал выгонять красногвардейцев. Те подняли стрельбу. Ногин, конечно, не допустил перевозки вещей.

На другой день приходит к нам человек с бумажкой от Ленина. В бумажке написано:

„Арестовать и доставить комиссара финансов Котова".

Я говорю:

— Зачем-же арестовывать меня? Я сам пойду к Ленину. Пришел.

Вижу—у дверей ленинского кабинета застыли часовые и сидит секретарь. Говорю:

— Нельзя-ли Владимира Ильича видеть?

— Зачем,—спрашивает секретарь.

Потом впустили меня к Ленину. Стоит Владимир Ильич с улыбочкой и говорит:

— Затем-ли у нас создана Красная гвардия, чтобы стрелять?

Я отвечаю:

— Мы действовали по вашему декрету. А что красногвардейцы буйствовали и стреляли—я этого не знаю, с ними не был.

Он отпустил меня. А Красновского, по моему, надо было расстрелять. Он инженер-химик, чуть-ли не профессор. Ему доверяли, а в 18-м году он бежал в Польшу.

Так и жили вот. В июне я ушел на завод. К тому времени уже была создана „финансовая коллегия" при комиссаре финансов.

А я работал один, без всяких коллегий. Даже технического работника не было. Дали делопроизводителя только к июню (но денег я ему все-таки не доверял ни копейки.)

Дела и деньги я сдал Балышеву. Денег сдал 486 тыс. рублей.

Хотели меня товарищи в „коллегии" оставить, но я не согласился. Скажу еще, что меня дважды проверяли инспектора из Смольного. Наличность денег была полная и бумаги в порядке. Деньги я расходовал

по распоряжению совета (председателя или секретаря). Сам мог тратить не больше 15—25 рублей.

Горячее было время! Как вспомнишь теперь—так диву даешься—как мы все это проворачивали... И ведь без опыта—прямо от станка!

Великие чудеса творит социалистическая революция!!

Котов.
(Рабочий б. Александровского, теперь Пролетарского завода).

Октябрьские дни*) на „Володарке".

Как это началось?

...Однажды, когда мы пришли утром на работу, нашли на столах листовки: „Бросайте работу! Выходите на улицу! Долой самодержавие! Долой войну"! Я пришла раньше других и видела, как кто-то из рабочих прошмыгнул в дверь на бобины. Должно быть, он и подбросил нам листовки. Мне показалось, что это был М. Бабохов. Ясно я не видела. Утро было зимнее, серое. Свет еще не горел. Это было незадолго до Февральской революции.

В Февральские дни мы ходили в город: Андрей Хайкар, Орлов, Феофанычев, батя мой и я. Через лавру не пускали, мы пошли обходом через Железнодорожную улицу и Цветочный пост. Пробрались к дворцу, стояли до потемок.

Там узнали, что Николай отрекся. Помню потом, как громили Окружной суд.

После февраля на фабрике выбрали первый фабком. От каждого отделения входило по одному представителю. От окончательного вошла Марфа Степанова, а немного позже, вместо Степановой, послали меня. Я приходила в семь утра, становилась на сортировку, а с девяти шла в фабком.

Мне было девятнадцать лет, а я должна была представлять большую массу работниц. До революции этого бы не допустили сами работницы, а теперь настало такое время, что само собой впереди оказывались более активные.

*) Печатаемые здесь отрывки воспоминаний взяты нами из книги рабочих авторов „Володарка".

Меня тянуло в работу. Я замечала, что многие были равнодушны, пассивно ждали, как повернутся события. Мне такое равнодушие было непонятно. Не такое было время, чтобы ждать, отсиживаться, закрывать глаза. Я и в детстве, если мне что покажется страшным не закрывала глаз, а именно шла к страшному месту, чтобы потрогать его и узнать, в чем там дело.

Первым большевиком на нашей фабрике я считаю Андрея Хайкару. Он первый стал выступать открыто, как большевик. После Февраля появилось много партий и ораторов. И все ораторы считали, что с падением царя революция в основном закончена и остается только улучшить добытое положение. Тон их речей был радостный и удовлетворенный. Один Хайкара сразу же заговорил, что февральская революция ничего не дала рабочему классу, что она только временный этап, что ее надо продолжать вплоть до полного завоевании власти советами.

Многие над ним посмеивались, даже из тех, кто скоро сам стал большевиком (Орлов). Другие относились к нему с откровенной враждой. Но Хайкара был терпеливый человек. Он выслушивал насмешки и ругань, а на другой день снова приходил и доказывал свое. Это был человек, назначение которого—проламывать бреши.

После июльских дней эсеры и меньшевики создали для него на фабрике враждебную атмосферу и только после Октября рабочие, как следует, поняли и оценили его.

В июльские дни на фабрике была крепкая группа большевиков (Хайкар, Бабохов, Евдокимов, я, Бойков и другие). Влияние большевиков возросло еще больше, когда стачком союза бумажников начал проводить на бумажных фабриках забастовку под большевистским лозунгом „Не давать бумаги Учредительному собранию".

Я была членом стачкома и проводила экономические требования рабочих. Мы просили 7 рублей 20 ко-

пеек в день, а объединение фабрикантов давало нам по 6 рублей 80 копеек. Переговоры велись в примирительной камере у министра труда Гвоздева, в Мраморном дворце. Со стороны фабрикантов выступали Бутяев и Бошняк.

Во время переговоров Бутяев сказал мне:

— Ты слишком молодая, а голословишь...

Помню, что этим он меня очень обидел.

Забастовка тянулась недели две. Бутяев и Бошняк жили в квартирах при нашей фабрике. Мы выключили им свет и воду, хотя для этого пришлось оставить без света и рабочий дом.

— Сами будем впотьмах, но и им не дадим...

Выборы в учредилку происходили в школе. Там стояла урна. Все политические платформы в то время сводились к двум основным: за учредилку или за большевиков.

Рабочий дом был поглощен выборами. На всех лестницах шли разговоры:

— Тетя Маша, ты за кого?

— А ты?

Эсеры и меньшевики вели агитацию за учредилку. В школе около урны стояли Н. А. Врудская и другая учительница и шептали каждому проходящему:

— Голосуйте за бюллетень №.....—за эсеровский номер,—не помню уже, какой цифрой он обозначался.

В дни Юденича весь актив союза бумажников был двинут на оборону. Я попала в команду связи к т. Альфу.

Помню, как в эти дни привезли на „Красный Ткач“ тов. Н. С. Волкова и тов. Камышева, раненых под Пулковом.

Все внимание в то время было отдано фронту. Губпрофсовет нес оборонную службу. Губпрофсовет проверял бдительность товарищей, ответственных за предприятия, вел разведку, с помощью рабочих проводил массовые обыски в поисках оружия.

Фабкомы предприятий выделяли нам надежных рабочих. Очень часто присылали женщин, потому что

мужчины были на фронте. Мое дело было достать для них продовольствие, накормить их, разбить на группы, назначить дома для обыска. В квартирах мы находили тогда много оружия. С Володарки на обыски приходили: Катя Зиновьева, Ольга Филимонова. Работницы с Володарки кроме того копали окопы у Финляндского моста, на Цветочном посту и в районе Балтийского вокзала.

Помню и факты дезертирства: в трудный момент скрылся председатель союза Переборщиков. Во всем союзе осталось двое работников, а в это время стали приезжать семьи рабочих с Красногородки, потому что там уже были белые.

Мы размещали их во Дворце труда, доставали для них пищу.

На фабриках тоже готовились к встрече врага На Володарку был дан приказ: „Обезоружить фабрику...“

Это значило: разобрать паровую машину, снять сукна, спрятать.

Бурное было время. И когда сейчас стараешься воскресить в себе тогдашнее настроение, тогдашние тревожные темпы работы, то невольно вспоминаешь и то, с какой самоотверженностью, с какой любовью вся эта работа делалась...

Г. Николаева.

(Член первого фабкома).

2. Позиция меньшевиков и эсеров.

... В июльские дни мы были еще слабы. На демонстрацию в город с нашей фабрики пошла небольшая группа. Мы держались вместе с нашей районной организацией, несли флаг с лозунгом: „Долой министров-капиталистов“. На Марсовом поле наша колонна встретилась с противной колонной. Сила была за ними. Пришлось рассыпаться и уйти через Летний сад,

После июльских дней эсеры повели на фабрике старательную работу, чтобы дискредитировать большевиков. Они называли нас демагогами, мальчишками, губителями рабочего класса. Но и наша группа, первоначально небольшая (Андрей Хайкара, я, Василий Евдокимов), противопоставила им свою организацию, доказывая рабочим лживость политики Временного правительства. Наше влияние стало крепнуть, и когда союз бумажников стал проводить на предприятиях бумажной промышленности забастовку под большевистскими лозунгами, забастовка у нас пошла хорошо.

В то время была нужда в бумаге. Среди невыполненных заказов был специальный заказ для Учредительного собрания. Наш лозунг был „Не давать бумаги Учредительному собранию“. В этот период очень видные эсеровские работники приезжали к нам на фабрику, чтобы сломить забастовку. Этого же добивались свои фабричные меньшевики и эсеры во главе с Капустиным. Но им не удалось сбить рабочих с классовой линии. Бумага Учредительному собранию не была дана.

Это была одна из наших крупных побед над эсеровской организацией и послужила к хорошему революционному подъему рабочих в Октябрьские дни. В это время мы из маленькой кучки превратились в крепкую организацию, опирающуюся на рабочих. Настроение было уже не то, что в июле. В октябрьском движении приняли участие многие володарцы.

Октябрь расшатал эсеровские ряды. Прежде других от них откололся Дм. Звенигородский и примкнул к нам. Немного позже к нам пришли: Иван Орлов (который до самой смерти оставался хорошим большевиком), Глафира Иванова, Жабровский и ряд других товарищей.

Эсеровские и меньшевистские организации и после Октября продолжали свою работу на фабрике. Столкновения с ними были не только на каждом собрании или при перевыборах фабкома и выборах депутатов в совет, но даже в цехах и отделах. Был случай, когда

список наших кандидатов в фабком, по инициативе эсеров, был замазан и облит. В другой раз эсеры несколько раз срывали наш список и на этом месте вешали свой. Однако мы выступали как сплоченная фабричная партийная организация. Нам приходилось доказывать рабочим правильность нашей линии и кандидаты как в фабком, так и в совет выбирались, за малым исключением, по нашему списку.

Надо отметить также, что после Октябрьской революции (особенно в 1918 году) начались колебания и среди некоторой части служащих, которые склонялись на нашу сторону, чувствуя правоту советской линии. Однако служащих, в полном смысле слова лойяльных, было очень и очень мало.

Так, в постоянном преодолении меньшевистских и эсеровских влияний проходила жизнь нашей фабричной организации в конце 1917 и в первые восемь месяцев 1918 г. Не буду вдаваться в детали и описывать факты этой борьбы, остановлюсь на моменте национализации фабрики, когда эсерам был нанесен жестокий удар.

Национализация предприятий бумпромышленности проводилась в последние месяцы 1918 года, после большой подготовительной работы среди рабочих. На предприятиях устраивались рабочие собрания, разъяснялась цель национализации. Организаторами и активными участниками этого дела в бумпромышленности были: Лев Бродский, Б. Соколовский, Андрей Николаев, Андрей Хайкар, я и другие товарищи.

На Володарке решительное собрание по этому вопросу состоялось в большом помещении над проходной в присутствии всей администрации фабрики и хозяина Ойзермана. Ойзерман выступил с очень льстивыми словами по адресу рабочих, так-же как и его помощник, и это не могло не повлиять на некоторых отсталых рабочих. Эсеры в очень тонкой форме постарались использовать эти колебания.

Эсеры и особенно меньшевики называли национализацию демагогией и шарлатанством. Они говорили:

„Большевики заберут фабрики, исковеркают и оставят рабочих голодными. Надо оставить фабрики у хозяев, а рабочие пусть постепенно отстаивают свои экономические требования“. Они называли такой путь единственно правильным революционным путем, но на самом деле разоблачили себя, как верные хозяйские слуги. С ними объединились самые отсталые слои рабочих и часть старых служащих, которые тосковали по хозяину. Ойзерман хозяйствовал очень недолго, на фабрике его мало знали, но они хватались за него потому, что им был важен самый принцип частного хозяйства.

На собрании и у Ойзермана, и у эсеров был расчет на то, что рабочие сами не захотят отнимать фабрику у хозяина. Мы, конечно, не могли не реагировать на их выступления, в том числе и я лично. Когда я после льстивых ойзермановских речей сказал большевистскую речь, послышались злобные реплики, угрожающие возгласы („выбросить его в окно“). Но этого не случилось. Господа хозяева и их помощники эсеры и меньшевики просчитались.

Вскоре национализация фабрики была оформлена, а на следующем собрании (оно проходило без меня, я был болен) было избрано первое рабочее фабуправление. Были выбраны: председатель—Дм. Звенигородский, члены — я, М. Терентьева и специалист Исачкин...

М. Бабохов.
(Член первого фабупраления).

3. Первые большевики

... К началу февральской революции у нас на фабрике были отдельные революционные рабочие, но организации (комитета) у нас не было. Когда Обуховский завод прекратил работу и вышел на улицу, мы тоже пошли с ним. Дошли до Чугунного завода, тут на нас напали конные городовые, которые нас потре-

пали и разогнали. На второй день тоже. Одной работнице, которая привязала к шесту красный платок, конный околоточный перерубил руку—это было при мне.

На третий день дошли до Николаевского вокзала и там приняли бой с подъехавшими жандармами. В нашей толпе были володарцы, обуховцы, „Атлас", семянниковцы и др. Это было в последние дни февраля. На вокзале мы дежурили целые сутки. Многие из нас были с винтовками. Когда мы были на вокзале, пришло известие, что Николай отрекся.

Мы вернулись за Невскую заставу. Была создана охрана фабрики. Нам были выданы винтовки с патронами. С этого времени у нас образовался фабричный комитет. Первый комитет возник сам из наиболее инициативных. Входили в него: столяр Дмитриев, мастер Андреев, Орлов Иван, я, Хайкара Андрей. Позже был создан выборный комитет. Я был в комитете двое выборов.

После февральской революции мы стали работать на три смены по восьми часов, но сырья и дров часто нехватало. Рабочие в управлении фабрикой по-прежнему не участвовали, и только после Октября в состав правления, наряду с хозяином Ойзерманом, вошли рабочие.

Уже после Февраля на фабрике выявились рабочие, которые образовали твердое большевистское ядро. Андрей Хайкар был большевиком. Другим руководителем был Бабохов. Было немало рабочих, не записанных в партию, но стоявших за большевиков. Одним из них был я. В партию я вступил при наступлении Юденича. Также и слесарь Звенигородский, — он прежде был эсером, но к тому времени подошел к большевизму и в трудный для партии момент подал заявление.

И. Жабровский.

(Член первого фабкома.)

4. Учредиловская забастовка.

... Вторично мне довелось иметь отношение к Володарской фабрике уже в сентябре 1917 года во время „учредиловской забастовки“. Я был членом стачкома союза бумажников. Мне и Андрею Хайкаре было поручено организовать стачком на Володарке и провести забастовку. Экономические требования в этой забастовке (военная надбавка и др.) имели второстепенное значение, а главная ее цель была — подчеркнуть перед правительством и страной, что бумажники не на стороне Временного правительства, а идут за большевиками. Лозунг забастовки был: „Ни одного листа бумаги комиссии по созыву Учредительного собрания“. Комиссии печатная бумага была необходима для избирательных бюллетеней и для газетной агитации, а союз постановил: не давать бумаги ни одной газете, кроме „Правды“ и „Новой жизни“.

На Володарке, так же как и на других фабриках, забастовка прошла хорошо. Левые эсеры во главе с Звенигородским присоединились к забастовке. Звенигородский, который уже тогда примыкал скорее к нам, чем к эсерам, провел в районном совете забастовочную резолюцию. Правые эсеры и меньшевики должны были подчиниться. Фабрика не работала недели две. Вокруг фабрики стояли красногвардейские посты, которые не позволяли ничего вывозить с фабрики. В городе в это время газеты не выходили. Меньшевики окрестили нас контр-революционерами, но бумаги Учредительному собранию в самый канун его созыва мы так и не дали.

Бастовали все бумажные фабрики: Красногородка, Дубровка, Зиновьевская, Володарка. Меньшевики, которых было немало тогда в центральной согласительной комиссии, постарались поскорее кончить забастовку. Они вошли в соглашение с министром труда Гвоздевым. Экономические требования были удовлет-

ворены почти целиком. Забастовка кончилась. Но главное ее значение для Володарки было не в рублевых надбавках, а в том, что во время забастовки выявилось лицо фабрики и большевики доказали, что они ведут массу за собой. Это было гараздо важнее. После забастовки наш союз стал быстро расти.

Андрей Николаев.
(Член стачкоме).

5. Андрей Хайкара.

В 1917 году собрания были открытые. В то время было даже не понять: за кем итти? Потом разобрались Большевистскую линию на нашей фабрике проводили: А. Хайкара, Бабохов, Евдокимов. Потом выявились Орлов, Жабровский, Звенигородский.

Хайкара, бывало, придет к нам в окончательный. Женщины на него заорут: подай им то, подай им се... Он только смеется.

— Ладно, ладно. Все вы, бабы, скоро большевичками будете.

Хозяином фабрики был тогда Ойзерман. Он перекупил фабрику от немцев во время войны. Он был хозяином вплоть до национализации.

В 1917 году образовались союзы, были введены новые тарифы. Меня выбрали в тарифную комиссию. У меня в этом деле был дореволюционный опыт, потому что и прежде, когда надо было спорить с управлюящим из-за расценок, женщины посылали меня. На одно собрание позвали Ойзермана. Бабохов, обращаясь к нему, называл его:

— Товарищ хозяин..!

Хайкар при этом сидел и еле сдерживался от смеха.

После национализации Ойзерман был оставлен при фабрике, как спец. Управляющим был Ив. Ив. Ильин. Однажды он пришел ко мне в фабком и сказал, чтобы я подписала одну бумажку. Как член фабкома я имела

право подписывать денежные документы. В бумажке говорилось, чтобы выдать Ойзерману столько-то и столько-то золотом на поездку в Швецию за сетками для буммашин. Я подписывать не стала. Ильин на меня накричал.

От своего плана он все-таки не отказался, но выбрал другой путь. Через несколько дней он созвал общее собрание, на которое приехали и Ойзерман с секретарем треста. Ойзерман сказал:

— Сетки на буммашинах изношены и скоро не будут годиться. Фабрика должна будет остановиться. Я хочу поехать за границу, привезти новые сетки, а фабком мне мешает, не дает денег...

Возбудил народ так, что иные на Бабохова чуть не с кулаками полезли:

— Как это ты хозяину денег не даешь? Ведь фабрика будет стоять!..

Делать нечего: выдали Ойзерману какую-то сумму. Он уехал и вскоре прислал в трест телеграмму: просил передать привет фабкому. Больше он не появлялся.

Судьба Андрея Хайкара была печальная. Он поехал в командировку на Гомельскую бумажную фабрику и там погиб. Бабохов продолжал работать на фабрике, а потом пошел по профсоюзной линии, был председателем ЦК союза бумажников. Он и сейчас работает в бумажной промышленности...

Мария Терентьева.

(Член первого фабуправления)

6. Красная гвардия. Продъотряды.

... Это уже было накануне Октябрьской революции. На Володарке в эти дни был организован красногвардейский отряд. Хайкар целиком привел его к районному совету. В отряд входили также и некоторые левые эсеры. Часть отряда была послана на охрану железной дороги. Остальные находились в распоря-

жении совета. Кроме того был национализирован хозяйский автомобиль. Его также направили в Райсовет. Мы с Андреем Хайкарой развозили на нем прокламации по всему району. При национализации фабрики осенью 1918 года руководящую роль играл Ив. Орлов. Он проводил национализацию предприятий по всему р-ну и прежде всего взялся за Володарку. Несмотря на саботаж некоторых служащих, которые затягивали сдачу дел, новое выбранное рабочее фабуправление (Звенигородский, Бабохов, Терентьева и др.) постепенно ознакомилось с делом и стало действительным хозяином фабрики.

Надо отметить, что еще задолго до национализации все снабжение фабрики оборудованием и одеждой машин было централизовано и находилось в ведении районных промышленных организаций, так что фабрика и до национализации была фактически под рабочим контролем. Володарка была национализирована еще раньше, чем вышел декрет ВСНХ о национализации.

В 1918 году во время голода наш союз организовал посылку продотрядов в деревню. Володарцы выделили в продотряд 25 человек. Кроме них туда входили зиновьевцы и другие бумажники. Я был командиром этого отряда. Мы ездили в Тамбовскую губернию. Могу отметить что володарцы подобрались в отряд очень умелые и выдержанные, и ни один из них не скомпрометировал себя шкурными поступками, которые среди других бумажников были (очень немного случаев).

Мы собрали и отправили в Ленинград 30 тысяч пудов хлеба, и все это количество было нами добыто силой агитации и умелой работой по организации комитетов бедноты. Тогда эти комитеты только впервые возникали. В сельсоветах руководящую роль играли кулаки и зажиточная часть, а местами еще сохранилось помещичье землевладение.

Наша задача была — ликвидировать помещиков и расслоить деревню. Это нами выполнялось попутно

с заготовкой хлеба и как необходимое условие ее успешности. Я еще долго потом в Ленинград получал письма из тамбовских деревень от комбедов, которым мы помогли организоваться. Это значило—подход к бедноте у нас был правильный и отряд умело выполнил свою задачу по революционизированию деревни.

Андрей Николаев.

О боевых днях.

(Воспоминания старых рабочих з-да „Экономайзер“)

В Красном уголке за широкими столами сидело десятка четыре рабочих. Здесь назначен вечер старых производственников с воспоминаниями об Октябре. Это явились ветераны завода.

Шли они сюда прямо из цехов—запыленные, усталые.

Вечер открыт. На трибуну выходит старый производственник Риммель. Он говорит скупо, точно и впрямь ему вспомнить нечего.

— Боролись,—говорит он.—Слов нет, своими руками брали власть. Действительно, питерские рабочие всей России пример показали. Только пусть товарищи пошевелят памятью, вспомнят о прошедшем...

Сам он рассказывает о Твери, где ему приходилось переживать события 24—25 октября.

Товарищ Прейс рассказывает о пятом годе. За ним выходит на трибуну т. Пиркер.

Он делится интересными воспоминаниями о бурных днях своего завода.

— Вспоминаю говорит он,—хмурые февральские дни. В воздухе чувствовалась оттепель. Следствием изнурительной трехлетней войны явились очереди к хлебным магазинам; каждое утро вытягивались они длинными извилистыми линиями. В городе неспокойно: чувствовалось это в полицейских участках и в рабочих кварталах. Та и другая стороны готовились. Но вот огромным черным потоком покатились, выросли на улицах колонны забастовавших обуховцев. В цехах нашего завода раздался клич:

— Все на улицу! Поддержим выступление обуховцев!

Нерешительных насильно отволакивали от станков, тащили к выходу. В заводе остались лишь дежурные при паровом отоплении и на ремонте.

У ворот завода застыла густая цепь полицейских с шашками на голо. Сильные отряды полицейских рассеивали рабочих, сгоняли с улиц.

Лихо носились в ярких лампасах казаки. В ряде мест они дали залпы.

Демонстрация не была допущена, но рабочие не встали на работу...

— Буржуазия, получившая в феврале власть,—справляла радостные дни. Даже некоторое „полевение" правительства, в связи с приходом к власти „любимца народа" Керенского, не омрачало хозяйчиков. Хозяин завода инженер Гуковский в день назначения Керенского премьер—министром объявил рабочим:

— Даю прибавку по 10 копеек в час. Работайте энергично на благо родине и отечеству!

Этот-же Гуковский, почуяв приближение Октябрьских дней, не на шутку забеспокоился. Как быть с заводом?—вот что волновало его. Раз он даже сделал такое предложение:

— Кто хочет—пусть идет в деревню. Выдаю пятинедельное выходное пособие. Завод временно закроем, пока все не утихомирится...

Только немногие рабочие, связанные с деревней, пришли за „выходным". Большинство рабочих были против закрытия завода. Даже тогда, когда прогремели выстрелы с „Авроры", Гуковский был уверен, что „заварушка" скоро кончится.

— Увидите—большевики не продержатся и трех дней,—говорил он своим служащим.

Дальнейшая судьба Гуковского такова: после Октября он „бегал" в Одессу, а затем пристроился спецом в каком-то тресте...

Участники событий, десятками лет работавшие на многочисленных заводах, исколесившие огромные пространства „Российской империи", — постепенно тянули

нить воспоминаний. Увлекали рассказами собравшуюся в зале молодежь, возбуждались сами...

Многих рабочих революция поставила под ружье. Тов. Клеман, уже и тогда насчитывавший не мало лет, исколесил многие фронты. Дрался с Юденичем, затем был на польском фронте, на деникинском.

В июльские дни 17 года т. Клеман участвовал в демонстрации. Позднее—охранял понтонный мост в Ижорске.

— Горячее было время,—вспоминает т. Клеман.— У нас на заводе образовались три группы: одна группа (их было 27 рабочих, имевших связь с деревней) предлагала разделить завод по рукам, т. е. растащить его. Другая группа, возглавляемая меньшивиком Руденко, отстаивала хозяйские интересы. Мы—нас было 25 рабочих, руководил нами большевик Правдиков,—мы не допускали растаскивания завода, зорко охраняли его оборудование.

Рабочие не только зорко охраняли завод, они брали винтовки и несли службу по заданию Революционного Комитета.

— Помню, —говорит организатор первой коммунистической ячейки на заводе т. Вьюнов,—вместе с Правдиковым мы поехали от нашего завода в Петропавловскую крепость за винтовками. Приходим в склад (там сейчас помещается милиция), берем винтовки и патроны. Привозим оружие на завод и раздаем своим рабочим. Активным участником Октябрьских событий на нашем заводе был рабочий-большевик Тарасов. Сейчас его нет в живых. Да что тут: Николай Федорович Федоров—модельный мастер—полнее расскажет. Он ведь тогда руководителем завкома был...

Председатель собрания ищет взглядом по залу и не находит Николая Федоровича.

— А ну, ребята,—кто в модельную—мигом! На лице у него смущение: ведь один из активнейших участников Октябрьских событий не находится в зале...

Но вот в зал быстро входит тов. Федоров, модельный мастер. Несколько минут он „думает", а потом решительно идет к трибуне.

— Расскажи Николай Федорович,—как ты в завкоме был! — одобрительно крикнули из зала.

— Дело было так, —начинает т. Федоров. —Перед июльскими днями меня выбрали в заводский комитет. Я в то время, послушав выступления вождей—Ленина, Луначарского и других, вступил в коммунистическую партию. В завкоме было засилье меньшевиков и эсеров. Особенно помню меньшевика Руденко. Он говорил тогда:

— Всех большевиков надо побить или выгнать вон с завода.

В перевыборы (после июльских дней) я в завком не прошел — меня провалили. Наш котельный мастер Чугреев все-же снова выдвинул мою кандидатуру от нашей мастерской. У Чугреева был тогда наган. Взял он меня за плечо и сказал—пойдем. Пришли в завком. Он вынимает свой наган и говорит, указывая на меня:

— „Вот вам кандидат от нас— Федоров. Если вы его тронете — весь завком перестреляю". Чугреев еще сказал, что от нас (т. е. от котельной) кандидатов больше не будет. Так я снова стал членом завкома. Спустя два месяца меня выдвинули уже председателем завкома.

— Напомню,—когда немец взял Псков, многие наши рабочие заволновались. — „Давайте деньги за пять недель, — кричали они, — мы уйдем в деревню". Мы им говорили: — Куда вы пойдете? Немец взял Псков, а если возьмет Петроград, — куда вы побежите? Все-же, стали подсчитывать — сколько же потребуется денег, чтобы рассчитать уезжающих. Подсчитали, получилась большая сумма. Но оказалось, что денег в кассе нет. Тогда инженер Гуковский говорит мне: — Хлопочите, и дает адреса старых должников (был должен Пороховой завод и другие). Деньги все-таки достали. А что-же делать дальше? Решили собрать все заводские

партийные группировки (большевиков, меньшевиков, и эсэров). Собрались в расчетном отделе. Решили так: откажемся временно от денег, а возьмем управление заводом в свои руки. Правда, сторонников этого решения насчитывалось немного (особенно упорно возражали меньшевики), но другого выхода не было. Приезжал к нам из союза металлистов Иванов и говорил: „Завод ваш закроем". Я ему предложил не „мутить" рабочих и покинуть завод. Тогда ребята меня спросили: — если завод не остановим, то где будем брать чугун? Я ответил — на Набережной много чугуна лежит, его и возьмем.

После Октября мы уже ездили в совет за деньгами и вообще правили заводом.

После воспоминаний рабочие говорили о „сегодня" своего завода. Когда-то полукустарный, принадлежавший кампании „АТЛАС", — сейчас „Экономайзер" — мощный трубо-литейный завод, поставляющий оборудование промышленности Советского Союза.

Завод расширяется. Только что закончен стройкой огромный новый цех. Готовится дальнейшее расширение и реконструкция старых цехов. Сейчас, по сравнению с прошлым, на заводе вдвое больше рабочих.

...Расходились рабочие бодрые — с новой боевой зарядкой для будущей борьбы и побед.

И. Дубровский.

Очерк *.

Рассказ о прошлом.

1. Забастовка.

Фабричный гудок захлебнулся на высокой ноте: -у-у-ух!

Вместе с густым потоком рабочих и работниц я вышла на улицу. Было солнечно и пыльно. Оглушительно стучали телеги ломовых извозчиков; в воздухе стоял неуемный шум, доносившийся с базара

На углу Смоленского застыл толстый, неуклюжий городовой. При виде его нелепой фигуры я рассмеялась и тотчас же вспомнила вчерашнюю листовку, в которой много говорилось о предстоящей забастовке Наверное, жарко будет этому меланхоличному городовому, когда мы остановим станки и огромной толпой выйдем за ворота фабрики.

Я быстро вбежала в свою комнату и крикнула:

— Тетя Феня, бастуем! Бросаем работу...

— А жить чем будем? Подумали вы над этим? — Тетя Феня нахмурилась и недовольно засопела носом. Я сказала:

— Ведь все бросают работу, не я одна.

— Все бросают, а ты не бросай. Мало-ли что может случиться. А вдруг уволят? Что тогда? Куда пойдем?

Я села на стул и задумалась. В самом деле, итти мне некуда. Еще год тому назад я могла уехать в село Коневское к тете Фене, а сейчас? После пожара тетя Феня осталась такой-же круглой сиротой ,как и я. Но все-же ответила;

---

*) В основу очерка положены подлинные события происходившие на фабрике Паля, теперь Ногина, в период 1913 по 17 год.

— Ругай меня, а все-таки от других не отстану.

В коридорах нашего дома уже идут бурные ссоры. Старики и старухи выползли из своих нор и зло шипят.

— Вот выгонят всех из хозяйского дома, тогда будете знать, как бастовать.

Фабрика еще работает, но слухи о предстоящей забастовке носятся по всем углам. Я сама видела, как прядильщик Тюшин уговаривал ткачей бросить работу.

— Ну, как живем? Целый день не вылазим с фабрики, а дома сухие корки грызут. Надо нам — по примеру других предприятий Петербурга — требовать увеличения зарплаты и снижения рабочего дня.

Я стояла за станком и сердце мое замирало от этих слов.

Я уже два года на фабрике, но забастовок еще не приходилось видеть. Неизвестность волновала и пугала.

Вечером ходила к подруге и услыхала новость. Завтра в лесу, за колонией, назначено собрание. Подруга обещала провести, только предупредила, чтобы я никому не болтала об этом.

Ночь почти не спала. Ворочалась с боку на бок и все думала: будут бить забастовщиков или не будут? В коридоре я слышала, что всех забастовщиков выселят из казенных домов и выпорют нагайкой.

Утром, чуть свет, я побежала к подруге. Было рано, над Невой еще стоял молочный белый туман.

Час спустя мы быстро шли к лесу. Вдруг видим — стоит рабочий прядильного отдела и курит трубку. Мы к нему, говорим пароль. Он усмехнулся и кивнул головой:

— Направо, а там укажут.

Идем дальше. Вот и лес, а по нему тоненькой змейкой пролегла еле заметная тропинка.

Я волнуюсь, хотя и чувствую себя не плохо. С неба ярко смотрит солнце, но не жарко. Ольшанник и березняк сеют успокоительную прохладу.

Находим своих. Собралось пока не много, но ведь и время еще раннее. Среди работниц важно прохажи-

вается Тюшин. Он весел и остроумен. Работницы окружили его и смеются. Нас он спрашивает:

— Не облачно-ли?

Я не поняла вопроса и ответила:

— Тепло и светло.

Подруга, которая поняла намек Тюшина, заметила:

— Как будто спокойно. „Фараонов“ не видать.

Так вот о какой „облачности“ спрашивал меня Тюшин! Я сама громко рассмеялась.

Рабочие и работницы подходили быстро. Вскоре площадка наполнилась народом. Тюшин спросил:

— Начнем?

— Начнем!—крикнуло несколько голосов.

— Все ли на местах? Не могут ли „фараоны“ застать нас врасплох?

— Все в порядке! Часовые на местах. . . .

Тюшин долго и обстоятельно говорил о положении рабочих и работниц на фабрике. Его простые и убедительные слова настойчиво вколачивали в наши головы мысль: „Надо бастовать. Только этим путем мы добьемся прибавки к зарплате и 8-часового рабочего дня“.

Работницы слушали внимательно. А когда Тюшин кончил говорить некоторые из них бросили реплики:

— Выдержим-ли?

— Не лучше-ли мирно договориться?

— Хозяин силен, он может всех нас уволить!

Во мне вдруг проснулась упрямая мысль: „не договариваться, бастовать надо нам“. И уже громко я крикнула:

— Правда, нам надо бросить работу!

— Ишь — прыткая нашлась! — На меня сразу-же окрысились несколько работниц.

— Чего хвосты поджимаете, — поддержала меня подруга.—Надо бастовать! Не помрем, а если и подохнем — не велик урон.

Тюшин снова настойчиво и упорно стал доказывать необходимость забастовки.

Наговорившись, решили проголосовать предложение. Большинство рук поднялось за немедленное прекращение работы. . .

Домой мы возвращались разными тропинками. У своего дома я встретила подозрительного человека. Он спросил меня:

— Скажите, красавица, куда вы изволили ходить?

— Мы изволили молоко пить в деревне,—насмешливо ответила я ему. Он, поняв мою насмешку, зло нахмурился, а я быстро вбежала вверх по лестнице.

Тетя Феня, наверное, теряется в догадках—где я была? Чтобы не объясняться я взяла книгу и вскоре уснула.

Фабрика встала и вот уже две недели длится забастовка. Почти каждый день я ссорюсь с тетей Феней. Она упрекает меня, и временами долго—по старушечьи плачет. Я каждый раз говорю ей:

— Как будто легче оттого, что ты скулишь.

Тетя Феня выходит в коридор, заглядывает к соседкам, а потом докладывает:

— Уже палевский приказчик был. Сказывают, выселять нас будут из казенного дому.

Я бегу к подруге, а с ней мы идем к Тюшину. Тюшин, выслушав нас зло говорит:

— Излюбленный хозяйский приемчик! В начале продукты перестали отпускать из казенной лавки, а сейчас из домов хотят выселять. Но мы не сдадимся. Наша сила — в сплоченности. Вы, девчата, идите по палевским домам, узнайте—что и как. Потом расскажете.

Прошло еще мучительных пять дней. Среди забастовщиков начался раскол. Вчера у проходной будки фабричный жандарм сказал:

— Которые не выйдут на работу, будут незамедлительно выселены.

Носятся слухи, что на днях будет приступлено к выселению. Бедный Тюшин! Целые дни он мечется, что угорелый, подбодряет работниц.

— Не сдавайтесь! Только протянуть деньков десяток, а там увидите—победим мы!

Тюшина поддерживают прядильщики и ткачи. Но и среди них уже появились колеблющиеся.

Но вот наступил тревожный день. К нашему дому, едва мы проснулись, подошел околоточный с группой ломовых извозчиков.

Нас предупредили:

— Кто завтра выйдет на работу—может остаться в доме. Остальные немедленно должны очистить квартиры.

Околоток тяжело опустился на ступеньку, а мы вернулись по своим комнатам.

Тетя Феня голосила:

— Дожили — из дома выгоняют! Задрать юбки и всыпать березовой каши, тогда умнее будете!..

В корридорах стоит громкий гул от множества голосов. Слышен чей то плач.

В комнату к нам заглянула соседка и зло бросила:

— Я свою гоню на работу. Гоните и вы, Федосья Матвеевна. Будет — поблажили!

Надеваю платок и быстро бегу к подруге. А там то-же, что и у нас.

На улице появились пешие и конные городовые Я видела, как конный городовой подъехал к кучке работниц и крикнул:

— Расходись!

Этот-же городовой ударил по лицу работницу, что-то возразившую ему. Потом он быстро поскакал прочь.

В доме у нас идет форменная война. Отцы и матери, еще недавно прибывшие в город, гонят детей на работу. Те упрямятся. Старик Михрюткин — такой седой с совершенно лысой головой — ходит по коридору и кричит:

— Позову господина околоточного, чтобы силком вас взял!

Я не выдержала и крикнула:

— Привык перед помещиком спину гнуть и здесь тоже делаешь! Лысый черт.

В этот день никого не выселили из домов, но, говорят, на днях выселение будет произведено.

К Тюшину я заходила несколько раз. Он заметно похудел, осунулся, но попрежнему весел и острит:

— У рабочего человека организм крепкий—без пищи может обойтись. Ведь кормит - же цыган лошадь кнутом, почему-бы и нам не подтянуть животы?

А потом осторожно, чтобы никто не подслушал, сообщил, что забастовку поддерживают социал-демократы большевики, Я сидела с открытым ртом и думала: „Посмотреть-бы этих самых социал-демократов большевиков, какие они из себя?"

Тюшин нам говорил:

— Главное — не допустить добровольного выезда рабочих из домов. Пусть силой выселяют. Не посмеют.

Прошло новых пять дней. Мы уже свыклись с околоточным, который не спеша—в развалку ходил около нашего дома. Часть работниц не выдержала и вышла на работу. Держатся пока ткачи и прядильщики,

Ежедневно я вижу, как худенькие, бледненькие ткачихи несут на барахолку свое последнее тряпье. При виде этой картины сердце сжималось болью и хотелось плакать.

Тетя Феня заявила, что продавать больше нечего. Я и не требую от нее обеда, а украдкой грызу сухую корку и бесконечно пью воду.

На завтра Тюшина арестовали, но вскоре выпустили.

Фабрика стояла еще восемь дней. На работу мы встали на 46-й день—сильно изнуренные, но с сознанием что до конца отстаивали свои интересы [1]).

Было это в 1913 году.

2. Война.

Прошел тяжелый, изнурительнный год. Много воды утекло, а жизнь наша была такой-же, даже еще хуже. Чуть свет, а зимой впотьмах, идешь на фабрику, стоишь

---

[1]) По свидетельству участников забастовки, требования рабочих были удовлетворены только частично,

целый день у машины, не разгибая спины. Дома съешь жиденькую похлебку и забудешься в тяжелом и нервном сне до будущей смены.

А тут еще цены на товары стали повышаться. Что ни день—то новость. К мясу, сахару,—не подступиться.

Поползли по городу слухи:

— „Немец и турок замышляют что-то против белого царя. Их толпища готовы вторгнуться в матушку-Русь".

Лабазники и домовладельцы—члены союза Михаила Архангела—стали часто собираться в церквах и служить молебны за „здравие" царствующего дома.

Приближался июль четырнадцатого года.

Однажды мы возвращались с Невской Лавры и увидели на заборе огромный плакат. Читаем: — „Приказ о мобилизации". Побежали к себе, а на наших домах тоже висели „приказы" и вокруг них толпился народ. Кто-то говорил:

— Опять война! В 1904 году нас поколотили япошки, суда наши утопили... Зачем, спрашивается, воевать? Всего у нас вдоволь: земель, лесов, богатств разных. Народу бьют видимо-невидимо. Сколько вдов сирот останется...

— Кто это тут такие речи говорит?—К толпе подошел мясной торговец Рыбников и пытливо посмотрел в наши лица.

— Бога, православные, надо молить, чтобы белому царю победа дарована была.

Рыбников стал пространно что-то объяснять, а мы разошлись по домам.

В коридоре у нас передают, что в городе, по Невскому, с иконами и хоругвями ходили, а потом в Исаакиевском торжественный молебен был. Многое говорят.

А через несколько дней официально было объявлено, что началась война с Германией.

В воинское присутствие потянулись первые новобранцы. Шли они с песнями и гармошкой.

У нас на фабрике появились листовки с призывом к забастовке. Прядильщик Тюшин говорил:

— Капиталистам нужна война, а мы воюй! Только свергнув самодержавие, народ сможет прекратить грабительскую бойню. Бастуем товарищи!

В Питере уже не работали многие предприятия. Остановилась и наша фабрика, но бастовали мы не долго.

Ежедневным сообщениям печати об „успехах на фронтах“ никто из нас не верил. В город целыми эшелонами стали прибывать раненые и они-то говорили, что немец гонит русские войска вглубь страны.

Жизнь дорожала с каждым днем.

Раз я вышла на улицу и вижу—бегут люди к рынку. Я туда. Слышу шум, крики. Торговцы хотели закрывать лавки, но им не дали этого сделать:

Кто-то крикнул:

— Бери, братцы, хлеб!

Хлебная лавка вмиг была опустошена. Затем люди стали хватать колбасу, мясо, масло.

Я видела, как одна наша работница влезла в бочку с маслом и еле оттуда выбралась.

С собой мы тащили масло, яйца, рыбу, колбасу. Яйца бились, пачкали руки.

Потом полиция стала ходить с обыском, арестовала несколько человек. Чтобы не „всыпаться“, я попросила тетю Феню выбросить за ворота два круга копченой колбасы.

На другой день в Неве и на берегу виднелись свертки, из которых торчали круги колбасы, мясо и другие продукты (рабочие бросили, боясь обысков).

Шли дни и было ясно, что назревают крупные события. Я знала, что на фабрике работают социал-демократы большевики, только посмотреть их так и не удавалось.

В городе появилось великое множество военных. Военные попадались на каждом шагу.

У нас стало больше полицейских. Городовых понатыкали на каждом углу.

Уже перед Февральскими днями я услыхала в коридоре:

— Убили монаха в длинной рубашке. Убили и бросили в канаву.

После я узнала, что речь шла о Распутине.

Надвигалась революция.

3. Февральские дни. Тюшин, Огнев. Октябрь.

Зима в разгаре, но не холодно. Дуют теплые ветры с Балтики; в воздухе — сырость.

Слышно — на Обуховском бастуют рабочие. Мы часто выходим на берег Невы и видим — огромные корпуса безжизненны, не дымят.

Но вот наступил ветренный февраль. Как-то я шла из лавочки и заметила — к церкви Михаила Архангела спешит народ. А там разгорелась схватка. Рабочие — обуховцы сцепились с полицией.

Обуховцы побежали к Александровскому заводу, но и тут их стала разгонять полиция.

Я стояла у будки и все видела своими глазами. Мимо меня бежали взволнованные рабочие и что-то кричали. Многие из них были без шапок.

За ними гналась полиция. Толстые городовые неуклюже бежали, путаясь в полах длинных шинелей.

Руководил облавой пристав Агафонов.

Мы хорошо знали этого Агафонова. Не раз он бывал в палевских домах и на фабрике с обысками. Ходил он вечно в шинели, такой важный точно индюк.

У нас на фабрике тоже неспокойно. Прядильщик Тюшин открыто призывает к забастовке. Он говорит:

— По всей России поднимаются рабочие на борьбу с самодержавием. В Питере бастуют обуховцы, путиловцы, железнодорожники. Поддержим обуховцев!!

Наша администрация заметно струсила. Раньше, едва сойдется десяток рабочих, как появляется фабричный жандарм Данилевич и кричит:

— Чего столпились! Расходись!!!

А сейчас и он, и служащие сторонятся нас, видимо, боятся.

28 февраля мы не работали. Я ходила в Смоленский переулок и видела множество конных городовых. К вечеру городовые исчезли, а рабочие ворвались в участок и стали его громить. Потом подожгли и к утру участок сгорел.

Эту ночь мы не спали. На улице было шумно, точно днем. Люди ходили с возбужденными лицами и кричали:

— Долой самодержавие!

— Долой войну!

Со стороны города слышалась стрельба. Там тоже громили полицейские участки и жгли бумаги Окружного Суда.

Забастовка длилась две недели. Эти дни мы бегали по митингам и ждали каких-то событий. Было ясно, что трон подгнил и вот-вот рухнет. Для меня — и для всех нас — не было неожиданным то, что Николай отрекся от престола.

К работе мы приступили уже после свержения самодержавия.

Но Тюшин не успокоился, а бегал по цехам и кричал:

— Борьба не кончена! Свергнут царь, но не свергнута буржуазия.

В тот-же день, вечером, в прядильном состоялось большое собрание. Тюшин выступил с горячей речью. Он сказал:

— Мы социал-демократы большевики не останавливаемся на полпути. Свергнут царь, должна быть свергнута буржуазия. Вся власть — Советам рабочих и солдатских депутатов!

На этом-же собрании выступил рабочий — прядильщик Огнев. Он говорил, что надо ждать созыва Учредительного Собрания, а пока предлагал поддерживать Временное правительство.

Тюшин зло и едко отвечал Огневу.

После собрания я подошла к Тюшину с вопросом:

— Значит, ты большевик?

Он усмехнулся и ответил:

— С 13 года.

Я сразу же вспомнила, как мне когда-то хотелось посмотреть социал-демократов-большевиков и рассмеялась.

— Чего ты смеешься?

Я ответила, что смеюсь над собой.

— Работала с большевиком,—сказала я,—и большевиков-же хотела посмотреть! Только почему, т. Тюшин, ты не говорил тогда, что большевик?

Он напомнил о конспирации тех времен и слежке за собой. И уже прощаясь у ворот фабрики, заметил:

— Важна не кличка, дорогой товарищ, а дела. Так-то!

После этого я стала ближе присматриваться к Тюшину и Огневу. Оба они работали в прядильном только с той разницей, что Огнев—новичок. Но Огнев и Тюшин враждовали на каждом собрании.

Тюшина поддерживали Павел Жучков и работницы: Козлова, Халуева, Алексеева, Шемиловская и другие. Поддерживала и я.

Жаркая схватка между большевиком Тюшиным и меньшевиком Огневым разгорелась в момент выборов в советы.

Тюшин везде и всюду твердил работницам, что революция далеко не закончена.

— Ну, получили мы фабрики в свои руки! — воскликал он.—Фабрики в руках капиталистов. Возьмите деревню—земля у помещиков, а крестьян кормят обещаниями.

Не спал и Огнев. Он сговорился с некоторыми мастерами и тоже повел агитацию. Его слова по-прежнему были направлены к поддержке Временного правительства.

Да и сам он после того, как попал в свет, переменился. Раньше был такой незаметный, а сейчас тройку нацепил и бантик красный в петлице носит.

В нашем доме идут ежедневные „митинги“. Тетя Феня говорит, что Григорий Распутин не убит, а скрыл-

ся и, что сейчас он хочет занять место Николая. Это ей сказал старик Михрюткин в корридоре.

Жить стало свободнее, а жизнь все-же не улучшалась. Изнуряла война, которую Временное правительство и не думало заканчивать.

На фабрике мне сообщили новость. Обуховцы, после того как был закрыт завод, стали бунтовать. Уже были стычки с гражданской милицией.

А один рабочий, рассказывают, в горячке заколол мастера шорным шилом.

Потом стало известно, что на заводах производятся аресты. Хватают большевиков.

Тетя Феня меня даже предупредила:

— Ты вот ходишь по собраниям, а, сказывают, большевиков в тюрьму сажают. На казенные хлеба.

Я недовольно ответила:

— Вечно ты нахватаешься сплетен, а потом выдаешь их за правду.

Она обиделась и в течение целого дня не проронила ни слова.

Уже летом, в июле, мы ходили на Марсово поле и кричали:

— Долой десять министров-капиталистов!

— Долой войну!

А когда возвращались обратно, слышали—у Литейного раздавались выстрелы.

Мы в то время требовали у Временного правительства прекращения войны и 25-рублевого пайка.

Огнев, да еще Молодцев—тоже был в совете, говорили про войну:

— Война сама собой кончится. Мы не можем допустить отзыва войск с позиций, иначе немцы нас побьют. Мы должны охранять отечество, страну. Немец—наш враг.

Заодно с Огневым выступали эссеры, которые тоже стояли за продолжение войны.

Большевистская группа на фабрике была все еще незначительной.

Нередко, когда Огнев руководил собранием, большевикам он не давал говорить.

Август промелькнул быстро и незаметно. В сентябре крупным событием явилась забастовка группы бумажных фабрик.

Меньшевик Огнев сильно ругался по этому поводу и зло говорил:

—Надо же было случиться, что бумажники забастовали в самый канун открытия Учредительного Собрания! Нужна сейчас большая работа правительственной печати, для чего требуется бумага, а ее-то и не дают забастовщики. Газеты, кроме большевистской, не выходят.

Тюшин довольный ухмылялся:

—Молодцы бумажники! В самую точку попали. Теперь хотя меньше будет литься грязи на большевистскую партию.

Недовольство Временным правительством росло по всей стране. Чувствовалось, что близится девятый вал революции.

К нам как-то пришел солдат—фронтовик. Он только-что прибыл из деревни и так характеризовал настроение крестьянства.

—В Воронежской губернии мужики бунтуют. Там крестьянские земли можно лаптем накрыть, а помещики имеют сотни тысяч десятин. Я,—говорил он, из Рамони. У меня с братом по полдесятины, а у помещика нашего князя Ольденбургского, владения простираются на полгубернии.

Солдат говорил, что он поедет на фронт, расскажет о положении деревни своим землякам и вместе с ними вернется в Рамонь, чтобы громить имение и сахарные заводы князя.

События нарастали. На Семянниковском и Александровском заводах уже создавались и вооружались подпольные дружины Красной гвардии. Мы тоже достали несколько винтовок и вербовали красногвардейцев. Решили создать свою фабричную дружину.

Однажды Тюшин объявил нам, что на бойне состоится широкое собрание большевиков. В числе первых я пришла на бойню и увидела там рабочих семянниковцев, александровцев, обуховцев и текстилей, горевших решимостью бороться с правительством Керенского. На собрании выступал большевик Слуцкий.

К концу сентября было уже заметно, что меньшевики и эсеры сильно теряют свое влияние.

Как-то зашел разговор о только-что успешно закончившейся забастовке бумажников. Огнев сказал:

—Большевики, руководящие этой забастовкой, предают интересы революции.

Но его быстро срезала одна ткачиха.

— А ты не предаешь революции? Сидишь с хозяином за одним столом и помогаешь ему эксплоатировать рабочих.

За хозяина в то время был Глазиус. Мы часто видели его с Огневым вместе—вот об этом-то и намекнула ткачиха.

Огнев бросил какое-то ругательство и удалился.

Я ушла с головой в работу и нередко приходила домой под утро. Тетя Феня открывала дверь и уже без злобы говорила:

— Ходишь—ходишь, а о еде забываешь. Смотри—пожелтела и лицо осунулось.

При этом она неизменно давала мне картошку, приговаривая:

— Может скоро лучше будет. А то уж натерпелись—хватит.

— Скоро, тетя Феня, будет рабочая власть,—говорила я и пыталась объяснять ей смысл происходящих событий. Она слушала внимательно и отрицательно качала головой.

— Не пойму я, что—к чему. По мне—какая ни власть, лишь-бы жилось хорошо.

Утром наскоро умывшись, я опять бежала к Тюшину. Раз зашла к нему, а он сидит у стола и низко опустил голову.

— Что, спрашиваю, голову повесил? Он посмотрел на меня и ответил:

— Власть берем в свои руки, а я, стыдно признаться, почти неграмотный, С 10 лет пошел в завод, учиться то было некогда. Буквы вот знаю и читать умею, а писать не могу. Если приведется расписаться, ставлю три креста. [1])

Я ободрила его, заявив, что на досуге помогу научиться писать. Потом мы шли на фабрику и там вместе с Козловой, Хрусталевой и другими проводили работу в цехах.

В конце октября, в ночь с 24 на 25-е, мы получили известие о восстании и ходили в город занимать телефонную станцию. В темноте со всех концов слышались выстрелы—было жутко. Потом грянули залпы с Авроры.

Обратно мы возвращались с пением гимна.

Смело, товарищи, в ногу
Духом окрепнем в борьбе:
В царство свободы дорогу —
Грудью проложим себе...

А на утро стало известно, что Временное правительство арестовано и власть перешла в руки Совета рабочих депутатов.

Мимо наших окон и по Смоленскому уже ходили красногвардейцы с Александровского завода и наводили порядок.

В тот-же день Огнев—бледный такой—прибежал на фабрику и говорит:

— Валы медные надо вывезти и спрятать от большевиков.

Но за ним уже никто не пошел и он куда-то скрылся. Молодцев уехал в деревню.

Глазиус из управляющих перешел в конторщики. Он посмирнел и больше молчал, чем говорил.

---

[1]) Тов. Тюшин в то время действительно расписывался „крестами".

На одном из собраний мы выбрали „рабочий контроль“, т. е. группу товарищей, чтобы смотрели за работой фабричной администрации.

С тех пор вся деятельность фабрики стала контролироваться рабочими...

Огромнейший путь пройден рабочими и работницами Палевской фабрики. От подпольных дореволюционных массовок в лесу—до управления предприятием—таков путь.

На всем этом протяжении ковалась и росла революция, подземные воды которой несли на своем гребне рабочего прядильщика Тюшина и десятки других незаметных, но славных борцов за дело рабочего класса. Ее могучее дыхание пробуждало классовый инстинкт даже в таких отсталых пролетариях, как тетя Феня. Она уже не брюзжит больше и не собирает сплетен, а на старости лет, ликвидировав свою неграмотность, вместе с героиней очерка—своей племянницей, по мере сил строит новую жизнь.

Тетя Феня—член депутатской группы совета и заведующая детским очагом на одной из Ленинградских текстильных фабрик.

Ив. Торопов.

Солдатка революции.

(Отрывок из биографического рассказа „Марфа Ивановна Романова").

...Проходили дни, месяцы, годы. Работали, бастовали, устраивали собрания, демонстрации. Россия жила и накапливала силы к новым битвам. Черная реакция не могла сломить революционного движения рабочих.

Ни писем, ни каких либо вестей о Марфе Ивановне[1]) я не получал. Часто вечером я задумывался о прошлом и мне очень хотелось снова побеседовать с Марфой Ивановной. Неизвестность мучила меня.

В таком положении застал меня 1917 г. Однажды утром, когда я приготовлял себе чай, в коридорную дверь раздался проворный стук. Я вышел в коридор и спросил—кто стучит.

— Ты не Миша будешь—ответил женский голос. „Марфа Ивановна приехала"- мелькнуло у меня.

— Миша.

— Так открывай скорей, не узнал что-ли?

— Марфа Ивановна! воскликнул я радостно и открыв дверь, схватил в крепкие объятия еще сильное, но постаревшее тело.

— Ну и целоваться сразу! Ну и нахал же ты Миша! Небось только от жены?

Я рассказал ей, что еще не женился, что нет времени на такие пустяки и повел в квартиру. Усадив в починенное соломенное кресло, начал расспросы, забыв про чай, но Марфа Ивановна напомнила мне об этом. Чай был быстро скипячен и мы уселись за стол.

---

[1]) Марфа Ивановна—жена рабочего б. Семянниковского завода А. И. Романова, убитого 9 января 1905 года.

Оказывается, двенадцать лет не прошли даром для Марфы Ивановны (как и для всех нас.) Она оплакала смерть своего сына, повешенного после декабрьского восстания в Москве, сама сидела два раза в тюрьме за крамольные речи и за расклейку политических воззваний.

— Но это позади — говорила Марфа Ивановна. Нужно было все переносить одной, в себе. Часто о тебе вспоминала, но это научило меня меньше плакать, больше обдумывать и мстить хозяевам делом, от которого они, конечно, скоро взлетят на воздух.

Я удивился с какой простотой и легкостью она говорила все это. Я сразу понял, что Марфа Ивановна стала подпольщицей и при том не плохой.

— Так вот Мишенька—продолжала она—паработала много, много поработала, а без Петрограда скучно. Решила навестить тебя и поработать здесь. Сейчас везде люди нужны. А о Калабине [1]) что слышно?

— Он директор на нашем заводе—ответил я.

— Вот как, и Марфа Ивановна вздрогнула.—Я помню еще старую обиду и свое обещание. Буду не я, если не отомщу ему.

Гудок звал к работе. Я поцеловал в лоб Марфу Ивановну и ушел.

День тянулся особенно длинно. Хотелось скорее отработать и бежать домой, чтобы снова сесть около Марфы Ивановны, слушать о ее прошлом житье-бытье и рассказать о себе. Отгудел гудок и я было направился к воротам.

— На митинг товарищи!—раздался чей-то голос.

Рабочие хлынули в обшивку. На паровозе уже стоял молодой парень и усердно размахивая руками, горячо говорил.

— Хозяева хотят нас разбить на мелочах. Хотят частыми столкновениями расстроить, подавить в

---

[1]) Последний директор Семянниковского завода перед революцией 17 г.

нас готовность к борьбе и вселить растерянность в наши ряды. Мы должны в этих столкновениях держаться сплоченно и уверенно. Знайте, нам предстоят большие сражения с капиталистами, но и не меньшие победы вынесем мы из этих боев, если будем итти туда, куда призывают нас большевики. Долой самодержавие!

Парень тряхнул черной шевелюрой, прыгнул с паровоза и затерялся в толпе. Рабочие поддержали его громкими восклицаниями.

— Долой самодержавие!

Кто-то выкинул красный платок и все с пением „Марсельезы" двинулись к воротам. У самых ворот красный платок был убран, т. к. за воротами гарцевали на конях казаки. Мы бежали сплошной лавиной, что не давало возможности казакам развернуться как следует. Мы бежали, бросая проклятья и злые насмешки в казаков. Казаки взмахивали плетками и не всегда ударяли мимо.

В этот день у дома, где теперь помещается 116-ая школа, была убита казаками пожилая женщина. Врач подошедший к ней, чтобы оказать помощь, был тоже избит казаками. Так кончился день 17 февраля.

Домой я вбежал запыхавшись и устало опустился на кровать перед Марфой Ивановной. Она уже все знала и с пониманием профессионального политика, заключила:

— В заводе нужны знающие люди. Завтра-же иду на завод. Ведь в заводе не хватает рабочих.

Она говорила верно. Не хватало рабочих в шрапнельной мастерской. Хозяева старались как можно больше производить смертоубийственнных вещей, т. к. за это государство платило им бешеные деньги. Царь хотел победы.

С этого дня события менялись с быстротой киноленты. Мы с Марфой Ивановной вросли в эти события как деревья в землю. Мы питались этими событиями и росли политически; мы умели предугадывать послед-

ствия того или иного выступления рабочих и предпринимателей. Марфа Ивановна в этом деле была опытнее меня и я к ее разговорам всегда серьезно прислушивался.

— Вот когда начинается настоящая жизнь, Мишук! — говорила она и сокрушенно глядела на портрет мужа — жаль, что его убили так рано и так глупо тогда. Но что ж делать? Прошлого не вернешь и она незаметным движением ладони смахнула слезу. — А любила я его, — добавила она, и опустила глаза.

Я только сейчас рассмотрел на ее лице путаные морщины старости и я гордился, что в этом одряхлевшем теле еще горит желание бороться и желание победить. Мы уселись за обед, приготовленный Марфой Ивановной. Обед мне показался особенно вкусным.

В этот же день, вечером, Марфа Ивановна выступила с речью в шрапнельной мастерской. А на завтра она ходила по нескончаемо длинным цехам и вела агитацию за 8-ми часовой рабочий день. Пребывание на московских заводах и в тюрьме научило ее быстро воспламеняться И боль еще не зажила — острая боль по убитым мужу и сыну. Она ходила по мастерским и вела агитацию за прекращение работы.

— Семянниковцы всегда были впереди, говорила она. По нам равняются, товарищи. Мы должны поднять голос протеста против войны, против самодержавия, за 8 часовой рабочий день!

В возбужденных массах рабочих ее агитация находила широкий отклик.

Калабин действовал грубо и неосмотрительно. Он был слепым исполнителем желаний своих хозяев и, казалось, не замечал сгустившейся атмосферы. Хозяева желали больших барышей и Калабин старался всяческими путями набить золотом их карманы. Исходя из хозяйских соображений, Калабин решил снизить расценки в шрапнельной мастерской.

Шрапнельная мастерская выделила делегатов к Калабину для урегулирования создавшегося положения. В эту делегацию попала и Марфа Ивановна.

Калабин не пожелал разговаривать с делегатами, а лишь сказал им—„В 5-м году вы пугали нас вывозом в тачках, а теперь мы вас поморим голодом. Мы отучим вас от игры в революцию."

Это явилось началом для стачки 23 февраля.

Во всех цехах из уст в уста переходил лозунг: „Долой самодержавие!", а меньшевики скулили: „Требуйте Учредительное собрание".

Завод готовил решительное выступление. Завод организовывался.

В эти дни я почти не виделся с Марфой Ивановной. Завод не работал и дома я бывал очень редко. Но знаю одно: Марфа Ивановна неутомимо работала, не считаясь с усталостью. Собрания проводились за собраниями, выносились горячие резолюции. Удачно проведенное собрание вселяло в рабочих уверенность в борьбу, которая должна была грянуть не сегодня,—завтра.

Завод разбухал событиями. Обшивка и большой док стали свидетелями тысячных митингов. Здесь решали, требовали, проклинали и защищали...

25 февраля, вечером, в переполненном доке открылся общезаводский митинг. Слушатели под влиянием большевистских речей были до того наэлектризованы, что когда грянул с трибуны лозунг:

—Даешь восьмичасовой рабочий день!—весь док в одно слово, как гром упавший с неба, крикнул:—„даешь!"

В шуме собрания чувствовалась крепкая уверенность. Эта уверенность вдохновила всех и порождала решимость. Каждому хотелось высказать себя до дна, рассказать о трудностях жизни и после выслушивать остальных, у которых дни тоже были заполнены недохватками и вечными заботами.

Служащие, в большинстве случаев стоящие в стороне от революционных выступлений рабочих, на этот митинг пришли дружно и столпились в стороне. Они о чем то шептались, но было понятно, что и они сочувствуют рабочим. Жизнь мелкого конторщика тоже была не легкой. Заработок его не позволял жить просто и независимо.

Рабочие говорили долго. Каждая речь разжигала и рабочие шумели, яро потрясая кулаками. После взял слово один из служащих.

Он шел торопливой походкой, откашливаясь и поправляя „бабочку". Он начал говорить тихо и путано.

—Господа... товарищи... мы выслушали ваше выступление. Картина, т. е. жизнь ваша безотрадна и тяжела, но не забывайте, что и мы живем не в лучших условиях. Нас также всячески притесняют и унижают. Вы смотрите, что мы чисто одеты, но господа, т. е. товарищи, только внешнее благополучие это. Мы бедны. На нас одето все то, что мы сумели приобрести на свой скудный заработок. Мы присоединяемся к вашим требованиям. Мы присоединяем свой голос и требуем—„Долой самодержавие!".

Собрание дружно захлопало в ладоши и ответило громкими криками:

—„Долой! Долой кровопийцев!"

Шум улегся. Установилась тишина. В этот момент из конца дока послышался бодрый и призывающий голос:

—„Товарищи, к белому дому! покончим с Калабиным! Отплатим за все унижения и обиды!"

В доке стало еще тише. Подобная тишина бывает перед оглушительным ударом грома. Казалось, рабочих придавили эти слова и ввели в замешательство. Кто-то хлопнул дверью. Задние ряды зашевелились и хлынули к воротам. Замешательство было минутным.

Рабочие оправились и с криками:

—„Души окаянных держиморд!" вылились на двор завода и быстро направились через проспект.

На улице был холодный синий вечер. Редкие фонари горели подслеповато. Снег хрустел под сапогами. Рабочие шли дружно, готовые разорвать на куски своего извечного врага и послушного хозяйского служителя.

Когда перешли проспект и ворвались на вторую территорию завода,—бросились бежать. В одно мгновение белый дом заводоуправления с темными окнами, погруженный в зимний вечерний мрак, был оцеплен. Кулаки грохотали во все двери. Двери открылись. Рабочие запыхавшиеся и злые помчались по узким лестницам — на второй этаж, где помещался кабинет директора.

У входа в кабинет загородил путь швейцар с седыми усами и бакенбардами. Он тихо и вразумительно сказал:

—Директора нет, он только, что уехал. Он перепугался, вскочил на ломовую телегу и велел извозчику погонять. Калабин выехал в ворота, что выходят на Прогонный проспект.

Эта торопливо сказанная речь сбила нас с толку.

Мы стояли разочарованные и убитые явным предательством. Но кто был провокатор—никто не знал. В суматохе, поднявшейся на митинге, не заметили—кто выскочил раньше всех из мастерской.

Директора на заводе больше не стало. Калабин был последний директор.

Революция шла дальше. В эту ночь заводской дом заняли под штабы большевики, меньшевики, эсеры и анархисты.

Домой мы расходились окрыленные победой. Даже не смущало то, что Калабин остался в живых. Сам факт бегства директора вселял в рабочих бодрость и уверенность.

—Вот когда нас бояться начали!

—Давно-бы по шеям следовало дать им!

—Конечно, долго рассусоливали!!

Все чувствовали, что тяжелая гора свалилась с плеч и совершенно не думалось о том, что самодержавие

еще не свергнуто. Дышалось легко и радостно. Все торопились по домам—рассказать родным о бегстве хозяйского холопа.

Дома я не ночевал две ночи. Спал у товарища.

И только на третий день заглянул в свою комнату.

Уже была ночь. Сразу на меня пахнуло сыростью нетопленного помещения За обоями гулко бегали мыши. Но я словно не замечал этого. Очень хотелось есть. Я вытащил из кармана купленный по дороге круг копченой колбасы, двух фунтовый кусок хлеба и принялся с аппетитом уплетать их.

Марфа Ивановна вошла медленной и разбитой походкой. Ее старый замасленный пиджак был растегнут, а коричневая косынка свалилась на шею. Она остановилась на пороге и глядела на меня мутными глазами. Я растерялся и чуть было не подавился.

—Марфа Ивановна, что случилось? Она взяла со стола спички и направилась в свою комнату. Я непонимающими глазами проводил ее и снова принялся за еду. Когда с едой было покончено, я приготовил себе постель и постучал в стену. Марфа Ивановна не ответила, как отвечала обычно. Я встревожился и пошел в ее комнату. Она лежала в кровати и быстро шевелила губами. Слов не было слышно, хотя можно было понять, что она что-то пытается сказать Я окликнул ее, но она даже не открыла глаз и продолжала шевелить губами. Я дотронулся до ее головы. Лоб был горячий, как чайник с кипятком. „Заболела"—подумал я и припомнил, что последние дни она также жила в нетопленной комнате.

Марфа Ивановна умерла через два дня. Врачи признали у нее крупозное воспаление легких. Я сидел в своем вновь расшатанном кресле и обдумывал события последних дней. „25 февраля директор Калабин бежал. Рабочие беспрерывно митинговали в цехах. Сегодня получено сообщение, что Николай отрекся от престола. Но борьба еще не кончена. Впереди пред-

стоят новые бытвы—за рабочую власть, за мир, за 8-часовой рабочий день, за землю крестьянам".

Голова гудела и ломила виски.

В комнату шумной ватагой вошли товарищи по мастерской. Настроение мое было отвратительное. Чтобы не омрачить ребят, я натянул на уши шапку, накинул на плечи куртку и вышел вместе с ними на улицу. Больше я не возвращался домой.

В эту ночь мы злые и настойчивые вылавливали городовых.

Георгий Некрасов.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

Ответ. редактор **Курлянд Б.** Техн. редактор **Торопов.**

Ленгорлит № 59061. Время сдачи в набор 19/X. Кол. листов $5^3/_4$. Подп. к печати 3/XI. Стат. формат бум. 72×110. Колич. бумажн. листов $2^7/_8$. Общее колич. знаков на бумажном листе 128.200.
Заказ № 3352. Тираж 5000.

1-я тип. изд-ства Облисполкома и Ленсовета. 2 Советская, 7.

Цена 65 коп.